

Международный «круглый стол» «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

© 2003 г.

В. А. Кутайсов

КЕРКИНИТИДА И ХЕРСОНЕС В IV–II ВВ. ДО Н.Э.

До середины, а быть может, и до второй четверти IV в. до н.э., Керкинитида и другие поселения Северо-Западного Крыма обладали по существу неограниченными возможностями для расширения своих аграрных угодий. Их размеры определялись в основном экономическим потенциалом общины (уровнем агрономии и агротехники, плодородием почвы), естественным приростом населения, притоком дополнительных колонистов и т.д. Однако такое поступательное эволюционное развитие самостоятельных апоекий было неожиданно прервано территориальными притязаниями Херсонесского государства. Во второй половине IV в. до н.э. все северо-западное побережье Таврики было покрыто густой сетью разнообразных пунктов. Среди них встречаются: малые города, крепости, контролирующие отдельные территории, своего рода локальные центры небольших сельскохозяйственных округов, незащищенные поселения и селища, отдельно стоящие усадьбы с башнями, сгруппированные вместе усадебные комплексы, обнесенные единой оградой, и, наконец, небольшие поселения, направленность деятельности которых пока не установлена. Часть из них, вероятно, являлась хуторами, кошарами и промысловыми стоянками. Среди такого множества памятников подавляющее большинство остается анонимным: античная традиция донесла до нас исторические наименования только нескольких древних пунктов, локализация некоторых установлена, остальных – требует уточнения. Нам остается надеяться, что в результате археологических раскопок будут найдены эпиграфические свидетельства, которые позволят в будущем установить топонимы того или иного объекта.

Общее количество связанных со вторичной колонизацией побережья поселений достигает сейчас 80. Причем если ранее они были известны только в интервале между Кара-Тобе и Бакальской косой, то сейчас херсонесские памятники открыты в верховьях Каркинитского залива на севере (т.е. за пределами полуострова) и оз. Кизил-Яр на юге. Иначе говоря, в IV в. до н.э. произошло качественное изменение в характере освоения рассматриваемой приморской полосы: от отдельных разрозненных очагов эллинской культуры – до сплошного освоения пространства. Разумеется, отмеченные крупные перемены в судьбе Таврики ставят перед нами такой важный вопрос: как происходило присоединение территории, особенно если принять во внимание факт присутствия здесь ионийских апоекий. К сожалению, это событие не получило никакого отражения в письменных источниках, и нам приходится извлекать информацию только из археологических, отчасти и нумизматических данных. Во всяком случае на рубеже IV–III вв. до н.э. в присяге Херсонеса упоминаются только два предшествующих дорийской колонизации пункта – Керкинитида и Калос Лимен (IOSPE. I². 401).

Прежде всего, сначала на рубеже первой и второй четверти IV в. до н.э. сгорело, но сразу было восстановлено, а затем во второй четверти, но не позже середины века, было полностью разрушено четырехбашенное укрепление Панское I¹. По мнению Е.Я. Рогова, событие это произошло в конце второй четверти IV в. до н.э.² При чем ранняя крепость полностью утратила свое фортификационное назначение, а ее руины использовались лишь в жилых и хозяйственных целях. После возрождения здесь жизни поселение приобрело совсем иной архитектурный облик: произошла полная перепланировка внутреннего пространства четырехугольника, где было размещено 16–18 относительно скромных жилищ. Вместе с тем вокруг первоначальной, видимо ионийской, колонии было возведено по крайней мере 13 отдельно стоящих усадеб площадью около 1000 м² каждая, а само поселение стало занимать территорию около 6 га. Обращает на себя внимание различная структура памятника: его первоначальное ядро, вокруг которого затем формировалось поселение, имеет ярко выраженный урбанистский вид, проявившийся в блокировке отдельных жилых компонентов по чисто городской греческой схеме планировки. В то же время окружающая его застройка представлена традиционными сельскими усадьбами. Такая различная организация объекта отражает, вполне возможно, смешанный состав населения, состоявшего как из аборигенов, так и переселенцев из Херсонеса³.

Слой разрушения раннего поселения, как и изменения в материальной и духовной культуре после его восстановления, позволили связать это с насытельным захватом Херсонесом побережья Каркинитского залива в результате военного конфликта с Ольвией. Керкинитида в такой ситуации выступила на стороне Херсонеса⁴. В.И. Павленков, однако, объясняет эти разрушения военно-десантной активностью Гераклеи, предпринявшей первые попытки внедрения в данный регион вскоре после поражения в войне с Боспором⁵. В то же самое время – во второй четверти IV в. до н.э. – восточная крепостная линия Керкинитиды (а другие пока не раскрыты на достаточном протяжении) усиливается двумя башенными выступами, возведенными довольно поспешно на близком расстоянии друг от друга: один из них полностью закрыл прибрежные ворота города, второй фланкировал с правой стороны оставшуюся функционировать калитку⁶.

В литературе, если отбросить более ранние точки зрения, базирующиеся исключительно на дате присяги, вопрос о времени вхождения Керкинитиды в состав Херсонесского государства решался по-разному. В.А. Анохин относит это событие к самому началу IV в. до н.э., связывая его с прекращением выпуска собственной литой монеты⁷; А.Н. Щеглов – ко второй четверти – середине столетия, ко времени второго разрушения поселения Панское⁸, С.Ю. Сапрыкин – к 350-м годам до н.э.⁹. Мы относим подчинение Керкинитиды к середине – третьей четверти IV в. до н.э.¹⁰

¹ *Sčeglov A.* Un établissement rural en Crimée: Panskoe I (fouilles de 1969–1985) // *DHA*. 1987. № 13. P. 245–247; *Chitchevlov A.* Polis et chora. Cite et territoire dans le Pont-Euxin. P., 1992. P. 245–246.

² *Рогов Е.Я.* Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // *Stratum-plus*. 1999. № 3. С. 133, 135.

³ *Sčeglov.* Un établissement rural... P. 247, 250.

⁴ *Щеглов А.Н.* Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // *Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии*. Л., 1986. С. 167; 171; *Sčeglov.* Un établissement rural... P. 247; *Chitchevlov.* Polis et chora... P. 246–247.

⁵ *Павленков В.И.* Стеностроительство Керкинитиды и Херсонес Таврический в V–III вв. до н.э. (По данным метрологии) // *АПМНП*. 1995. С. 127.

⁶ *Кутайсов В.А.* Античный город Керкинитида VI–II вв. до н.э. Киев, 1990. С. 48–49; *Павленков.* Стеностроительство Керкинитиды... С. 127.

⁷ *Анохин В.А.* Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды (По материалам раскопок 1980–1982 гг.) // *Античные древности Северного Причерноморья*. Киев, 1988. С. 138; *он же.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 84.

⁸ *Щеглов.* Процесс и характер... С. 169; *Sčeglov.* Un établissement rural... P. 247; *Chitchevlov.* Polis et chora... P. 246, 249; ср. *Рогов.* Некоторые проблемы... С. 135.

⁹ *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н.э. М., 1986. С. 97; *Saprykin S.J.* Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI–I Centuries BC). Amsterdam, 1997. P. 125.

¹⁰ *Кутайсов.* Античный город Керкинитида VI–II вв. до н.э. С. 157.

По мнению ряда исследователей, именно захват новых земель, прежде всего у скифов, был отмечен Херсонесом и Керкинитидой около середины IV в. до н.э. выпуском в обращение монетных серий с торжественными, парадными или даже триумфальными мотивами¹¹. Но настолько ли эти сюжеты праздничные на самом деле? Прежде всего явления и знамения Девы отмечены в наиболее критические для Херсонеса моменты, что нашло отражение в ряде эпиграфических документов¹². И наконец, изображение коленопреклоненного воина в «позиции Хабрия», как блестяще продемонстрировал А.Л. Бертъе-Делагард, ни в коей мере не отображает наступательный порыв, а наоборот, представляет обороняющегося воина, готового к нанесению удара¹³. О весьма ожесточенной упорной борьбе красноречиво свидетельствует сцена схватки льва с быком на реверсе младшего номинала данной серии. Если попытаться понять смысл сюжета на упомянутых монетах, то может сложиться впечатление о какой-то напряженной борьбе, которую пришлось испытать Херсонесу вскоре после середины IV в. до н.э. Это вполне могла быть война за обладание западным побережьем полуострова.

Обращает на себя внимание четко выраженная военная символика раннего чекана Керкинитиды: Ника, сцена терзания, башенный с зубцами головной убор Тюхе (см. ниже). Как ранее полагал автор данной работы, чекан Керкинитиды отражает более или менее успешное противодействие города территориальной экспансии Херсонеса¹⁴. Напротив, В.А. Анохин расценивал появление этих монет как результат нового обретения Керкинитидой независимости от олигархического Херсонеса в 330 г. до н.э.¹⁵ Но есть целый ряд фактов, противоречащих изложенным выше взглядам¹⁶. На лицевой стороне самой ранней монеты Керкинитиды помещено изображение крылатой Ники, а на оборотной – схватка льва с быком. На старшем номинале следующей серии помещена Тюхе – спасительница и охранительница полиса от какой-то внешней угрозы. К примеру, на монетах Кизика вместо зубчатой короны над головой божества надпись – Сотера. Такая военная символика на городских монетах, по-видимому, отражает изменчивый характер тех исторических событий, которые пережил город: какая-то победа, неизвестная нам по письменным источникам, а вслед за ней – новая угроза, избежать которую удалось благодаря «чудодейственному» вмешательству богини – покровительницы гражданской общины. На обратной стороне монеты с Тюхе помещен атакующий скифский всадник, – по всей видимости, символ той реальной силы, которая помогла полису уйти от поражения. Но в таком случае почти невероятна совместная победа Керкинитиды и Херсонеса над скифами. С другой стороны, заимствование керкинитидскими монетариями гераклейских сюжетов (Тюхе, Геракл в львиной шкуре) и символов (палица Геракла), совпадение сцены терзания с таким же образом на монетах Херсонеса, казалось бы, не отвечает открытой конфронтации соседних полисов.

Приведенное выше попарное сравнение монетных типов понтийских городов не исчерпывает всех возможных сопоставлений. Так, голова Геракла в львиной шкуре

¹¹ Зограф А.Н. Северное Причерноморье. Т. I. Города. Каталог // Рукопись в Отделе нумизматики ГЭ. 1951. С. 148, 160; Гилевич А.М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV–III вв. до н.э. // НЭ. 1970. VIII. С. 6; Шеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 120; Сапрыкин С.Ю. К типологии двух групп монет Херсонеса // СА. 1980. № 3. С. 49, 54 и др.

¹² Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса». IOSPE. I. 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104 сл.; Русяева А.С. Эпифании и знамения Партенос в Херсонесе Таврическом // ХАМ. 1997. С. 100–102; Русяева А.С., Русяева М.В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 96–106.

¹³ Бертъе-Делагард А.Л. Монетные новости древних городов Тавриды // ЗООИД. 1912. 30. С. 42–46.

¹⁴ Кутайсов В.А. Античный город Керкинитиды (градостроительство, фортификация, жилищная застройка): Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1987. С. 14; он же. Античный город Керкинитиды VI–II вв. до н.э. С. 154–156.

¹⁵ Анохин. Монеты античных городов... С. 85.

¹⁶ Кутайсов В.А. Керкинитиды. Симферополь, 1992. С. 159–162.

на лицевой стороне гераклейских монет одновременно воспроизведена на аверсе монет скифского царя Атея и младшей серии монет Керкинитиды. Богиня в башенной короне с реверса монет гераклейского чекана украсила аверс старшего номинала той же серии монет Керкинитиды. Помимо того, всадники на керкинитидских выпуклах и монетах Атея стилистически близки между собой. Штемпель для чекана монет Гераклеи, как и Атея, был вырезан несомненно одним и тем же художником (в обоих случаях просматривается рука одного мастера)¹⁷. Однако из этого еще не следует обязательное признание их чекана в самой Гераклее. Их могли вполне бить и на одном из северопричерноморских монетных дворов, например, в Керкинитиде или в другом зависимом от скифов городе. Следует также вспомнить, что второй монетный тип скифского басилевса был выпущен в гераклейской колонии Каллатисе.

Займствование гераклейских сюжетов отмечено и для несколько более раннего кратковременного чекана Фанагории и Феодосии¹⁸. Дорийская эмблематика, по всей видимости, отражает не просто дружеские контакты и политическую ориентацию на крупный южнопонтийский центр, а скорее всего на союзные отношения (симмахию) между причерноморскими полисами, что особенно ярко проявилось в ходе войны Гераклеи на стороне Феодосии против Левкона I. Западная экспансия боспорских правителей делала весьма вероятной – при конфигурации полуострова – распространение их влияния и на весь Крым. Такое развитие событий не устраивало ни Гераклею, чьи экономические интересы прочно были связаны с Северным Причерноморьем, ни Скифскую державу¹⁹. На этой почве между ними мог сформироваться временный союз, направленный против Боспора, к которому примкнули также гераклейские колонии Херсонес, Каллатис и, быть может, Керкинитиды, что и получило отражение в синхронной монетной символике. Реконструируемая нами политическая ситуация в регионе естественно предполагает распространение власти Атея на всех скифов, а не только на территорию Добруджи, и речь в нашем случае идет только о 350–340-х годах до н.э.

Выпуски монет с квадригой, как предполагает Е.Я. Рогов, были приурочены к заключению союза между Херсонесом и Керкинитидой при непосредственном участии Гераклеи. И напротив, младшие серии названных городов со сценой терзания отражают реальные плоды этого союза²⁰.

О весьма тревожной обстановке в рассматриваемое время красноречиво свидетельствует сооружение (вряд ли намного позже середины столетия) новых крепостных стен Керкинитиды²¹. По весьма справедливому мнению В.И. Павленкова, именно их строительство получило отражение в выпуске монет с изображением Тюхе в башенной короне²², датируемых временем правления гераклейского тирана Сатира (352–345)²³. В то же самое время возводится новая крепостная стена и в юго-восточном районе Херсонеса²⁴. Однако значительное пространственное расширение Херсонеса и связанное с ним фортификационное строительство произошло не ранее 325 г. до н.э., т.е. почти на четверть столетия позже, чем в Керкинитиде²⁵. Как показали

¹⁷ Анохин В.А. Монеты скифского царя Атея // *НиС*. 1965. № 2. С. 8–9; *он же*. Монеты Атея // *Скифские древности*. Киев, 1973. С. 36.

¹⁸ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 2, 77, 82, 90.

¹⁹ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 74. Прим. 3; Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 82–83; Сапрыкин. Heraclia Pontica... P. 106–107.

²⁰ Рогов. Некоторые проблемы... С. 139–140.

²¹ Кутайсов. Античный город Керкинитиды VII–II вв. до н.э. С. 51.

²² Павленков. Стеностроительство Керкинитиды... С. 35, 127.

²³ Кутайсов. Керкинитиды. С. 157.

²⁴ Золотарев М.И. К хронологии юго-восточной линии обороны Херсонеса Таврического // *Фортификация в древности и средневековье*. СПб., 1995. С. 49–50; Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Исследования в Херсонесе // АИК 1994. Симферополь, 1997. С. 128.

²⁵ Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // *ХС*. 1996. Вып. VII. С. 108; Золотарев М.И. О двух этапах строительства в северо-восточном районе Херсонеса в IV в. до н.э. // *ХС*. 1996. Вып. VII. С. 45–46; *он же*. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // *ХС*. 1998. Вып. IX. С. 33; Золотарев, Коробков, Ушаков. Исследования в Херсонесе. С. 128.

раскопки О.И. Домбровского в 1989–1990 гг., в нивелировочной засыпи балки под оркестру театра, выполненной одновременно или сразу после сооружения «хрестоматийной» стены Херсонеса, не встречено ни одного аттического чернолакового черепка позже 325 г. до н.э. и ни одного херсонесского клейма. Сказанное, как представляется, ставит под сомнение возможность связывать крепостное строительство в Керкинитиде с Херсонесом, ибо трудно представить, что Херсонес стал бы укреплять пусть и союзный город, но ранее строительства собственных оборонительных сооружений, значительно увеличивших его внутреннюю территорию.

У рассматриваемой проблемы есть еще одна важная деталь: при таком развитии событий трудно допустить вероятность захвата северо-западного побережья Херсонесом у скифов²⁶. Освоение этой территории Херсонесом осуществлялось скорее всего при активном содействии метрополии. Как тут не вспомнить предположение Л.А. Моисеева, что Херсонес взял Северо-Западный Крым у скифских царей «как бы на откуп и стал по отношению к ним в положение арендатора»²⁷. Такая возможность могла быть оговорена союзниками заранее. Итак, прекращение монетной чеканки Керкинитиды вскоре после середины IV в. до н.э., вероятно, отражает факт ее полного подчинения Херсонесу.

В литературе можно отыскать упоминания о следах преднамеренного разрушения на других памятниках Северо-Западного Крыма. Так, к последней трети IV в. до н.э. относят прекращение существования усадьбы с круглой башней недалеко от стен Керкинитиды²⁸ и культового комплекса на берегу Мойнакского озера²⁹. Высказанное вскользь в свое время предположение о строительстве херсонесского укрепления Чайка над остатками более раннего поселения оказалось ошибочным, а раскрывая к северу от южной башни стена относится к внутренней застройке³⁰. Нетрудно заметить, что прекращение жизни на них асинхронно разрушению поселения Панское I и, следовательно, может быть связано с другими событиями.

Вместе с тем, согласно нашим палеоэкологическим расчетам, хора Керкинитиды распространялась до оз. Донузлав в северо-западном и оз. Кизил-Яр в южном направлениях. На данном отрезке полуострова вскоре после середины IV в. до н.э. появились херсонесские укрепления: одно из них - Кара-Тобе в 15 км к югу от города – закрывало доступ на пересыпь нынешнего Сасык-Сивашского озера, по которому проходила дорога из Херсонеса. Еще ближе, в 7 км к северо-западу от крепостных стен Керкинитиды было возведено мощное многобашенное укрепление Чайка. Следует также вспомнить о появлении во второй половине названного столетия поселений Гаршино, Кара-Тобе I, усадьбы у Евпаторийского маяка и у с. Песчанка. К сожалению, до настоящего времени остаются малоизученными ранние напластования Южно-Донузлавского городища, контролировавшего проезд по пересыпи одноименного озера, и совсем не подвергавшееся планомерным раскопкам городище Аирчи. Еще более загадочными остаются для нас такие поселения, как Береговое, Мурзачок, Тереклы-Конрат, Хуторок. Материальная культура наиболее исследованных из них (Чайка, Маяк, Песчанка) не оставляет сомнения в их херсонесском происхождении. Но как в таком случае объяснить их расположение в пределах аг-

²⁶ Зубарь В.М. Об атрибуции коллективных усадеб раннеэллинистического времени // ВДИ. 1998. № 4. С. 102–116.

²⁷ Моисеев Л.А. Херсонес Таврический и раскопки в Евпатории в 1917 г. // ИТУАК. 1918. № 54. С. 254; см. также Яценко И.В. Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена // Новое в археологии. М., 1972. С. 70–71; Дашевская О.Д. О скифах Северо-Западного Крыма в период греческой колонизации // ДСППВГК. 1981. С. 219.

²⁸ Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе Евпатории: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1985. С. 14.

²⁹ Кутайсов. Античный город Керкинитиды VII–II вв. до н.э. С. 155.

³⁰ Ср. Карасев А.Н. Раскопки городища Чайка в Евпатории // АО 1966. М., 1967. С. 215; Яценко И.В. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории // Путешествие в древность. М., 1983. С. 187; Попова Е.А., Коваленко С.А. Работы Крымской экспедиции МГУ // АИК 1993. Симферополь, 1994. С. 223.

рарной округи союзной Херсонесу Керкинитиды? Если же признать столь резкое сокращение керкинитидской хоры, то население города вряд ли могло нормально существовать. Объяснить это удастся только при дальнейших археологических раскопках. Однако, как нам представляется, уже само размещение херсонесских населенных пунктов в пределах земельных угодий Керкинитиды сильно ущемляло ее экономические интересы и, вероятно, преследовало цель поставить под жесткий контроль всю хлебную торговлю.

Как бы ни развивались события, мы должны констатировать, что во второй половине IV в. до н.э. вся приморская полоса полуострова была покрыта практически сплошной сетью херсонесских поселений, доходивших на севере до верховьев Каркинитского залива, а на юге до оз. Кизил-Яр. Они тянутся непрерывной цепочкой вдоль побережья, а на участке от северной оконечности оз. Донузлав и до мыса Ойрат расположены на расстоянии 2–3 км один от другого. Далее на север до с. Оленевка (бывшая Караджа) на сплошных скальных обрывах Тарханкутского полуострова, достигающих 50–60 м высоты, античные поселения отсутствуют. На морском побережье между мысом Карам-Бурун и Ак-Мечетской бухтой они вновь появляются в устьях или по сторонам глубоко прорезавших возвышенность балок, заканчивающихся небольшими, но достаточно удобными бухточками (Чоротай, Большой Кафель, Кипчак I, II, Камыш, Абузлар). Скопление аналогичных памятников отмечено в окрестностях Ярылгачской бухты. Далее вдоль берега Каркинитского залива их концентрация невелика, что отчасти может объясняться активной береговой абразией.

Освоение прибрежной территории Херсонесом по своему характеру мы вправе назвать военной колонизацией (что-то наподобие создания афинских клерухий), которая, по всей видимости, началась с возведения на берегах удобных гаваней крупных опорных пунктов – крепостей, таких, как Калос Лимен, Караджа, Чайка³¹. Впоследствии вблизи них появились более мелкие объекты – усадьбы, защищенные одной башней или вообще без них. Процесс обживания территории шел по нарастающей по мере роста материальных и демографических возможностей как всего Херсонесского полиса, так и отдельных населенных пунктов. На многих памятниках вполне определенно обозначилась следующая тенденция: первоначально возводилась отдельно стоящая усадьба с мощной башней в одном из ее углов. Через какое-то непродолжительное время к этому изолированному комплексу пристраивались еще два-три аналогичных здания, в результате чего многоэтажные башни оказывались внутри поселений, лишаясь в значительной степени своего первоначального фортификационного назначения (Беляус, Маслины, Кульчук). Образовавшиеся, таким образом, «кусты» усадеб (своего рода агломерации) затем обносились по периметру общей оградой толщиной менее 1 м, что позволяет назвать ее не оборонительной стеной в полном смысле, а скорее забором, предохранявшим от мелких грабителей и воров. Поселения росли не столько по мере естественного прироста числа их обитателей (ибо такой демографический взрыв просто немыслим), сколько в процессе притока новых колонистов-эпойков из разных мест эллинского мира, но в первую очередь, вероятно, из Гераклеи Понтийской, предпочитавших селиться в уже обжитых местах. Огромные пространства целинных земель, отсутствие аборигенного оседлого населения создавали экономическую основу для миграционного процесса.

Монументальные башни, расположенные внутри населенных пунктов, предназначались главным образом для укрытия в них жителей усадеб и наиболее ценного их скарба. Отсюда такая устоявшаяся закономерность, как устройство внутри каждой из них осадного колодца и кладовой с самым необходимым запасом продовольствия. Это позволяло отсиживаться в башне длительное время, но при этом наблюдать, как на глазах грабилось и разорялось нажитое тяжким трудом имущество.

³¹ Кутайсов В.А. Предисловие // СЗКАЭ. 1994. С. 8; он же. Фортификация херсонесской периферии // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995. С.52–53.

Размах фортификационного строительства должен был обеспечить безопасность херсонесских переселенцев. Он красноречиво свидетельствует об агрессивном характере их экспансии и о существовании вполне реальной потенциальной опасности со стороны скифов, отношения с которыми могли измениться в любую минуту. В то же время перед нами конкретное и довольно яркое проявление дорийской захватнической по сути модели колонизации³². Столь важный и ответственный по своим последствиям шаг тогда еще небольшого Херсонеса мог быть осуществлен только благодаря ощутимой поддержке со стороны могущественного покровителя, которым вполне могла быть его метрополия Гераклея Понтийская.

Отмеченная двухэтапность освоения Западного Крыма – сначала ионийцами, а затем дорийцами – получила отражение и в архитектуре: для оборонительных сооружений нижнего горизонта Керкинитиды и крепости у Ярылгачской бухты характерны относительно скромные – чуть более метра шириной – сырцовые стены на каменных цоколях без достаточно глубокого фундамента. И напротив, херсонесские крепостные строения в сравнении с ними очень массивны, имеют большой запас прочности и рассчитаны на значительно большую по сравнению с реальной нагрузкой. Бесспорно эти различия отчасти объясняются произошедшим на рубеже V–IV вв. до н.э. изменением структуры оборонительных сооружений в связи с усовершенствованием осадной техники и достижениями военной тактики³³.

Тем не менее, как представляется, здесь мы сталкиваемся с проявлением двух строительных традиций – более ранней ионийской и привнесенной позже дорийской. Но там, где население проживало компактно, продолжали сохраняться укореившиеся строительные навыки. Вспомним, к примеру, насколько разнятся по своей капитальности синхронные башни западной оборонительной линии Керкинитиды и аналогичные сооружения на других упомянутых памятниках.

Основное крепостное строительство на херсонесской хоре было выполнено в короткие сроки – в последней четверти IV в. до н.э. Оно осуществлялось централизованно, путем регламентации миграционного потока, строительства опорных крепостей и индивидуально – за счет активности отдельных граждан или группы граждан, заботившихся о своей безопасности самостоятельно, что и заставляло их возводить на свои средства башни на усадьбах. Но и эти работы, по всей видимости, осуществлялись профессиональными строителями, по проектам военных инженеров, т.е. не без участия полисных магистратов, наблюдавших за качеством строительства. Процесс крепостного строительства благодаря вовлечению в хозяйственную деятельность новых территорий продолжался до рубежа IV–III вв. до н.э.

Несмотря на размах фортификационных работ херсонесская хора не обладала линейной обороной вроде римского лимеса или как, например, на Боспоре, где целые области обносились валами и рвами. Ничего подобного на периферии Херсонеса не отмечено. Справедливости ради следует заметить, что при существующей конфигурации этой части полуострова создание тут сплошного оборонительного рубежа труднодостижимо, за исключением, быть может, нескольких небольших территорий, расположенных между группами соляных озер. Однако сплошная цепочка разнохарактерных синхронных поселений (от крепостей до укрепленных усадеб), покрывавших все побережье Тарханкута, могла обеспечить решение общей стратегической задачи: все вместе взятые, они расщепляли внимание и расплывали силы неприятеля.

Такое их расположение позволяло с помощью опознавательных знаков быстро оповещать населенные пункты и сам Херсонес о надвигающейся опасности, что давало возможность оперативно подготовиться к отпору врага. Для передачи сигнала от самой крайней точки хоры, например с Бакальской косы, к Херсонесу необходи-

³² Щеглов. Процесс и характер... С. 174, 176; Сапрыкин С.Ю. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 1994. № 3. С. 139–141.

³³ Winter F.E. Greek Fortifications. L., 1971. P. 69–70, 77–80.

мо было устройство по крайней мере двух специальных сигнальных постов: одного на самой высокой точке Тарханкута, где-то между Калос Лименом и поселением Тарпанчи (в районе высоты 178 м), а другого – на мысу Лукулл или в районе Усть-Альминского городища. Сказанное имело исключительное значение для обороны отдаленной хоры, поскольку складывается такое впечатление, что вся система ее защиты ориентировалась на поддержку со стороны моря военного флота³⁴. Ведь все укрепления находятся на самом берегу и не прикрываются никакой территорией. Вытянутость приморских владений, наличие удобных якорных стоянок как нельзя лучше благоприятствовали не только проведению морских десантных операций, но и непосредственным боевым действиям флота при преследовании противника, нападению на дороги в полном соответствии с рекомендациями Энея Тактика (XVI. 13. 21). Вспомним, что именно так и поступил в конце II в. до н.э. Диофант, переправившийся со своим экспедиционным корпусом «на ту сторону» (IOSPE. I². 352). Естественно, для точной ориентации кораблей должна была существовать хорошо отработанная навигационная система. Роль морских ориентиров вполне могли выполнять многоярусные башни, силуэты которых легко распознавались херсонесскими лоцманами. Как тут не вспомнить, что даже в современных лоциях в качестве опознавательных знаков используются храмы и звонницы, минареты мечетей. При такой постановке вопроса херсонесская периферия оставалась особенно уязвимой в осенне-зимний штормовой период, в наибольшей степени с декабря по февраль³⁵. Как известно, тот же Диофант, задержанный во время второго похода непогодой, был вынужден направиться в приморские местности по суше, потеряв, таким образом, эффект внезапности, что и позволило Палаку собрать против него новые силы.

До настоящего времени остается открытым вопрос о границе владений Херсонеса: существовал ли территориальный разрыв между Гераклеийским полуостровом и оз. Кизил-Яр или вся западная кромка Крыма являлась полисной хорой? В последнем случае отсутствие херсонесских памятников следовало бы объяснить их полным разрушением в процессе активной абразии берегов. Но и в этом случае какие-либо ее следы или по крайней мере остатки земельный угодий должны были сохраниться в речных долинах. Небольшое количество керамики IV–III вв. до н.э. (в том числе и синопских клейм) обнаружено на Усть-Альминском городище между Керкнитидой и Херсонесом³⁶ и на двух городищах на расстоянии 1.7 и 3.5 км от берега моря на водоразделе рек Альмы и Качи³⁷. Однако особенно важными, если подтвердится в дальнейшем, могут оказаться следы тут античного размежевания, хотя ориентация осей земельных участков отличается от херсонесской планометрии³⁸. Остатки древних межей виноградников, ориентированных аналогично тем, которые известны на Гераклеийском полуострове, были совсем недавно выявлены на пологих южных склонах р. Бельбек³⁹. Имеются данные о распространении херсонесского влияния до северного побережья Перекопского залива, где у с. Александровка открыты два эллинистических поселения с преобладанием в керамических комплексах херсонесского импорта⁴⁰.

³⁴ *Кутайсов*. Фортификация херсонесской периферии. С. 53; *Марченко Л.В.* Защита хоры // ХС. 1996. Вып. VII. С. 194.

³⁵ Лоция Черного и Азовского морей. 4-е изд. СПб., 1903. С. 211–212.

³⁶ *Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 10.

³⁷ *Колтухов С.Г., Зубар В.М., Миц В.Л.* Новый район хори Херсонеса эллинистического периода // Археология. 1992. № 2. С. 85–95; *Колтухов С.Г., Вдовиченко И.И.* Два кургана в междуречье Альмы и Качи // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 14.

³⁸ Скептическое отношение: *Рогов Е.Я.* Экология Западного Крыма // ВДИ. 1996. № 1. С. 72.

³⁹ *Николаенко Г.М.* Хора Херсонеса Таврического. Севастополь, 1999. С. 42, 76. Рис. 27; она же. Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. 1999. № 1. С. 102; *Савеля О.Я.* О размерах и структуре земельных владений Херсонеса в Юго-Западном Крыму в IV–II вв. до н.э. // ПИ-АСХ. 1988. С. 94.

⁴⁰ *Буйских С.Б.* Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры (VI–II вв. до н.э.) // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 24.

Такая структура херсонесской периферии, состоявшей из военно-земледельческих поселений, не позволила активно развиваться здесь такому свойственному Боспору процессу, как седентаризация скифов с их последующим включением в экономическую систему государства. Правда, вокруг некоторых из них появились поселения, имевшие, судя по всему, варварский облик (Маслины), а лепная керамика местной работы встречается и на самих эллинических памятниках. Однако масштабы протекавших здесь и на Боспоре этнических процессов остаются несравнимыми. Кроме того, различия носят принципиальный характер. В Северо-Западном Крыму, по всей видимости, применялся труд отдельных представителей аборигенного зависимого населения, лишенного своей социальной структуры. В литературе высказывалось мнение о насильственном переселении сюда тавров горного Крыма⁴¹. Не с этим ли связана небольшая группа захоронений в скорченном положении в некрополе Панское I⁴²? В то же время на Боспоре варвары жили самостоятельными общинами в неукрепленных поселениях-деревнях и платили дань Спартокидам. Хотя и тут на крупных усадьбах, вероятно, применялся труд варваров-рабов. Все сказанное свидетельствует о совсем иной направленности освоения Херсонесом прибрежной территории, рассчитанной прежде всего на прямую эксплуатацию земель непосредственно самими херсонеситами – гражданами полиса с использованием принудительного труда⁴³.

Необычайное увеличение хоры привело к бурному экономическому росту полиса: расширяется и благоустраивается город Херсонес, расцветают торговля и ремесла, особенно производство керамической тары, необходимой для транспортировки вина и других продуктов⁴⁴, в массовом количестве выпускаются в обращение серебряные серии монет⁴⁵. Однако экономическое процветание совпало с обострением внутриволической обстановки в конце IV – начале III в. до н.э. Установление в третьей четверти IV в. до н.э. примерно восемнадцатилетнего олигархического правления⁴⁶, острая борьба партий, введение остракизма и, как ее результат, изгнание части граждан, а также упоминание в присяге «отпавших» херсонеситов (вероятно, не дождавшихся выдворения из города «врагов народа») и, наконец, восстановление на рубеже IV–III вв. до н.э. или в начале 390-х годов до н.э. демократии – вот далеко неполный перечень тех социальных потрясений, которые охватили весь полис за столь короткий период⁴⁷.

По вполне справедливому мнению С.Ю. Сапрыкина, главная причина всех социальных потрясений находилась в сфере экономики: концентрации земли в руках ограниченного круга граждан-олигархов⁴⁸. В.Ф. Столба допускает две волны демокра-

⁴¹ Щеглов А.Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. № 4. С. 154; он же. Северо-Западный Крым... С. 30. Прим. д.

⁴² Рогов Е.Я. Некрополь Панское I и его место среди некрополей IV–III вв. до н.э. в Северном Причерноморье. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 8, 14.

⁴³ Кутайсов. Предисловие. С. 9.

⁴⁴ Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Опыт системного анализа. Саратов, 1989. С. 94; Кац В.И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса (По данным амфорных клейм) // АМА. 1979; он же. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994.

⁴⁵ Столба В.Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 66–69; Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Севастополь, 1997. Прил.; ср. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса Таврического. Киев, 1977. С. 17.

⁴⁶ Анохин. Монетное дело Херсонеса... С. 48.

⁴⁷ Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 121–124; она же. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 72 сл.; она же. Inedita // Иноземная филология. 1987. № 1–4; Гилевич А.М., Щеглов А.Н. Херсонесец Батилл, сын Никагора // Нуревboreus. 1996. V. 2. Fasc. 2. С. 122; Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХС. 1998. Вып. IX. С. 38 (авторы признали ранее отрицаемый ими остракизм).

⁴⁸ Saprykin S.J. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990). Amsterdam, 1994. P. 76; ср. Стржелецкий С.Ф. Клery Херсонеса Таврического // ХС. 1961. Вып. VI. С. 160.

тизации Херсонеса: во время первой – в конце третьей четверти IV в. до н.э. возродилась традиция помещения имен должностных лиц на монетах и появилась практика амфорного клеймения; во время второй – была введена новая присяга полиса. С теми же социальными переменами связан последний чекан Керкинитиды⁴⁹.

Из текста присяги, относящейся к рубежу IV–III вв. до н.э.⁵⁰, мы узнаем о том, что демократы управляли не всей территорией государства. Какую-то часть ее пространства контролировали «враги народа», которыми предпринимались, вероятно, неоднократные попытки отторжения не только Керкинитиды и Прекрасной Гавани, но и самой столицы государства, что само по себе указывает на крайне неустойчивое положение и существование значительной группы населения, нелояльно относящейся к «приверженцам народа». Речь по существу идет о настоящей гражданской войне, которую пережил полис и опасением возникновения которой проникнут весь текст присяги. Реальным археологическим отражением стасиса, возможно, является разрушение укрепления на перешейке Маячного полуострова вблизи Херсонеса⁵¹, как, впрочем, и сокрытие на рубеже IV–III вв. до н.э. кладов на Гераклеяском полуострове и в Северо-Западном Крыму⁵². Тогда же погибла жилая постройка у западной башни комплекса У7 на поселении Панское I и покинут сельский дом на Панском III⁵³. Два из зарытых кладов монет найдены в 1941 и 1964 гг. на сельских наделах в непосредственной близости от городских стен Керкинитиды⁵⁴; еще один клад происходит из одной из усадеб у Евпаторийского маяка⁵⁵. О нестабильном внутреннем положении свидетельствуют первые признаки денежного кризиса, проявившегося в кратковременной надчеканке серебра⁵⁶. Отзвуками острой социальной борьбы могло стать разрушение могил и надгробных памятников политических оппонентов: в Херсонесе это разорение каменных саркофагов⁵⁷. Другой случай отмечен в Калос Лимене, где в юго-восточную башню цитадели конца III в. до н.э. вложили надгробную стелу Героника, сына Дамия. Причем, наряду с вполне естественным стесыванием при строительстве профильных частей надгробия оказалось зачерчено (вероятно, еще задолго до этого) имя погребенного, а вся лицевая поверхность изучена круглыми выбоинами, как мы полагаем, следами от ядер пращи. Такой представляется картина глумления над могилой политического противника.

В то же самое время, когда была принята клятва Херсонеса, Керкинитиды выпустила в обращение наиболее многочисленную монетную серию. Ранее ее появление автор был склонен объяснять кратковременной независимостью города, которой он

⁴⁹ Столба В.Ф. Монетная чеканка Керкинитиды и некоторые вопросы херсонесско-керкинитидских отношений в IV–III вв. до н.э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 150–151.

⁵⁰ Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 219; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С. 116; Виноградов Ю.Г., Шеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 334.

⁵¹ Шеглов А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 38–40; он же. О времени возникновения «старого» Херсонеса Страбона // Античное общество: проблемы истории и культуры. Тез. докл. конф. СПб., 1995. С. 49.

⁵² Туровский. Монеты независимого Херсонеса... С. 24–27; Коваленко С.А. Рец.: Е.Я. Туровский. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Севастополь, 1997 // ВДИ. 1999. № 3. С. 208; Гилевич А.М. Хронология и топография кладов и коллективных находок херсонесских монет IV–II вв. до н.э. // Археологические вести. 1999. Вып. 6. С. 353.

⁵³ Столба В.Ф. Дом IV в. до н.э. на поселении Панское I (раскопки 1987 г.) // КСИА. 1991. 204. С. 83.

⁵⁴ Наливкина М.А. Раскопки в Евпатории // КСИИМК. 1953. 51. С. 130; Гилевич. Кучук-Мойнакский клад... С. 186–187.

⁵⁵ Колесников А.Б. Монеты из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 186–187.

⁵⁶ Столба В.Ф. К вопросу о кризисе денежного обращения в Херсонесе Таврическом в III в. до н.э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Херсон, 1990. Ч. 3. С. 40–41.

⁵⁷ Даниленко В.Н. Херсонесские каменные саркофаги эллинистического времени // ХС. 1996. Вып. VII. С. 67.

добился в период смуты в Херсонесском государстве⁵⁸. Датировка присяги в то время вслед за Е.И. Леви⁵⁹ определялась нами как 281/280 г. до н.э. Вместе с тем, в Греции времени Филиппа II, Александра Великого и его ранних преемников, т.е. в рассматриваемый нами хронологический отрезок, «прочно ощущаемая связь между абстрактным представлением о суверенитете и правом чеканки» отсутствовала⁶⁰.

По мнению Ю.Г. Виноградова и А.Н. Щеглова, керкинитидский чекан был последней компенсационной уступкой Херсонеса абсорбированной общине с целью «материально возместить морально-политический ущерб от утраты независимости»⁶¹. Выпуск в обращение основной серии бронзовых монет для мелкого размена не только для местного городского, но и всего внутриверсонесского рынка (в иных районах они единичны), сулило, по всей видимости, немалые поступления в бюджет Керкинитиды. Следовательно, этот чекан – экономическая уступка с целью предоставления городу возможности поправить свое финансовое положение в непростой период его существования. Вместе с тем, в представлении древних греков, как вполне справедливо подчеркивал Т. Мартин, имелась вполне определенная связь между идеей их суверенитета и собственной монетной чеканкой. В свете сказанного керкинитидская бронза начала III в. до н.э. могла восприниматься как проявление лояльности Херсонеса по отношению к недавно подчиненной ионийской общине. На все эти послабления Херсонес пошел с целью умиротворения населения поглощенного им керкинитидского полиса, прекратившего самостоятельное существование⁶². Если бы Керкинитиды на рубеже IV–III вв. до н.э. добились независимости, то логичнее было бы для пропаганды своей автономии воспроизвести наименование родного полиса в исконно ионийской форме, что, как известно, сделано не было. Все сказанное предполагает синхронность херсонесской присяги и последней монетной серии Керкинитиды. В ином случае (неважно – клятва более раннего или позднего времени) возможно и другое объяснение: власть в Керкинитиде захватили «отпавшие» олигархи. При таком развитии событий легко оправдать сходство монетного чекана обоих городов, в том числе и совпадение личных имен. Дорийский урбоним на монетном кружке мог подчеркивать оппозиционность по отношению к Херсонесу, а не автономии ионийской общины Керкинитиды.

Для нас до сих пор остается вопрос: какая территория полисной хоры и в каких размерах находилась под контролем «отпавших». Если учесть, что Керкинитиды и Калос Лимен находились под властью демократов, то приходится признать, что таковая располагалась на северной окраине государства или была вкраплена отдельными очагами внутри полисных владений, по всей видимости, в наиболее недоступных районах, например, в низовьях крупных балок, разрезающих северо-западную оконечность современного Тарханкутского полуострова. Последнее, однако, менее вероятно. Высказывалось предположение о захвате олигархами укрепления Панское I⁶³, но оно расположено так близко к Калос Лимену, что вряд ли имело самостоятельное стратегическое значение. Существование двухполюсных поселений на хоре создавало нестабильную обстановку, крайне отрицательно сказывавшуюся на основной отрасли экономики – сельском хозяйстве. Тем не менее, как представляется, целостность государства вскоре была восстановлена, о чем красноречиво свидетельствует экономический расцвет, который переживал Херсонес с рубежа IV–III вв. до н.э. и до конца первой трети III в. до н.э. Такого уровня благополучия никогда более не было на протяжении всей эллинистической эпохи. Сказанное убедительно подтверждается выпуском в обращение (судя по уточненной хронологии монетной

⁵⁸ *Кутайсов*. Античный город Керкинитиды (градостроительство...). С. 15; *он же*. Античный город Керкинитиды VII–II вв. до н.э. С. 157.

⁵⁹ *Леви Е.И.* К вопросу о датировке херсонесской присяги // *СА*.1947. № 3. С. 99.

⁶⁰ *Martin Th.R.* Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton, 1985. P. 219–220.

⁶¹ *Виноградов, Щеглов*. Образование... С. 360–361.

⁶² *Кутайсов*. Керкинитиды. С. 16д-163.

⁶³ *Виноградов, Щеглов*. Образование... С. 61–63.

типологии) многочисленных серий серебра разных номиналов, начиная с самой крупной – тетрадрахмы⁶⁴.

Весьма странным выглядит факт полного отсутствия серебряных монетных серий конца IV – первой трети III в. до н.э. как из раскопок Керкинитиды (городища и могильника), так и из случайных поступлений из Евпатории. Подобная картина отмечена и в находящихся рядом усадьбах у Евпаторийского маяка⁶⁵. Не менее странным выглядит такое же резкое сокращение поступления в Керкинитиду после ее подчинения бронзовых монет Херсонеса 330–310 гг. до н.э. (всего 11 экземпляров) на фоне многочисленных находок предыдущих его эмиссий. При объяснении данного факта вспоминается соответствующий пассаж в присяге: «хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо место, но только в Херсонес», смысл которого сводится к жесткой государственной регламентации торговли основным экспортным продуктом керкинитов – зерном, а в рассматриваемом аспекте это выглядит как прямое запрещение на его продажу и вывоз.

В.В. Латышев видел в этом стремление полиса увеличить собственные доходы⁶⁶, С.А. Жебелев в добавление к этому – установление монополии внешней торговли⁶⁷. Это требование клятвы, на что абсолютно справедливо обратила внимание М.К. Трофимова⁶⁸, перекликается (а быть может, и заимствовано?) с афинским законом, запрещающим афинянам под угрозой смерти доставлять хлеб куда-нибудь в иное место, кроме как на аттический рынок (Dem. XXXIV. 37; XXXV. 50; Lycurg. Contra Leocr. 27). При отсутствии собственной продовольственной базы в ближайшей округе города, способной обеспечить нормальное существование его жителей, такой закон позволял создать Херсонесу, как и Афинам, необходимые хлебные запасы и, выражаясь современным языком, гарантировать себе, таким образом, продовольственную безопасность. Не последнюю роль, вероятно, сыграло желание увеличить доходы полиса путем установления пошлин на хлебную торговлю. Такие принудительные меры были особенно актуальными в наиболее тяжелые для государства периоды военной опасности, внутренних неурядиц и неурожаев. Не исключено, что время от времени Херсонес оптом скупал весь товарный хлеб.

Для нас исключительное значение имеет почетная надпись на мраморном постаменте конной статуи Агасикла, сына Ктесия (IOSPE. I². 418). Самое важное мероприятие этого известного херсонесита Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов связывают с той частью хоры, которая располагалась в Северо-Западном Крыму⁶⁹, и центральное место в нем занимает «проведение границы виноградской области на равнине»: авторы понимают данную фразу как установление на местности «твердой демаркационной линии между отложившимися оппозиционерами и полисом». С этим основным мероприятием, направленным на защиту вновь обозначенной на местности области, тесно связаны два других действия: введение в один из малых периферийных городов – Керкинитиду, Калос Лимен или другое пограничное укрепление – гарнизона и стеностроительство, т.е. выполнение ряда фортификационных мер по усилению уже существовавших фортов и обороны всего района. С критикой такого понимания текста в центральной венке Агасикловой надписи выступил В.П. Яйленко, по аргументированному мнению которого речь здесь идет (как и считалось ранее) «о размежевании на участки сельскохозяйственных угодий»⁷⁰.

⁶⁴ *Столба*. Новое посвящение... Прил.; *Туровский Е.Я.* Монеты независимого Херсонеса... № 82–135; ср. *Анохин*. Монетное дело Херсонеса... № 82–126.

⁶⁵ *Колесников*. Монеты из раскопок... С. 184 сл.

⁶⁶ *Латышев*. ПОНТИКА. С. 157.

⁶⁷ *Жебелев*. Северное Причерноморье. С. 232–233.

⁶⁸ *Трофимова М.К.* Из истории эллинистической экономики // ВДИ. 1961. № 2. С. 56.

⁶⁹ *Виноградов, Щеглов*. Образование... С. 350–359.

⁷⁰ *Яйленко В.П.* Некоторые вопросы интерпретации херсонесской присяги и почетной надписи Агасикла // ПИФК. 2001. Вып. IX. С. 180.

Прежде всего нам непонятно, как при очертаниях западной окраины полуострова можно было вычленить какую-либо его часть. Совсем иное дело – Гераклевский полуостров с четко обозначенными границами. С.Ю. Сапрыкин полагает, что меры по усилению обороноспособности хоры были продиктованы разорением ее скифами с целью предотвращения повторных действий со стороны варваров в будущем⁷¹ (об этом же, кстати, говорит приведенный Ю.Г. Виноградовым и А.Н. Щегловым пример с городом Филиппа), либо Агасикл провел границу между двумя категориями земель полиса с различной сельскохозяйственной специализацией: виноградищами и хлебными нивами⁷². Но пока археологически не выделяются оборонительные строения, появление которых можно было бы связать именно с Агасиклом, если вообще *τεχολοία* относится к северо-западному берегу. Увеличение площади отдельных поселений за счет пристройки к уже существовавшим усадьбам с башнями новых башен вряд ли следует объяснять такими государственными мероприятиями.

Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов датировали рассматриваемый документ рубежом IV–III вв. до н.э. Напротив, С.Ю. Сапрыкин относил его ко времени перед 250 г. до н.э., присягу – к 275 г. до н.э.⁷³, а саму же деятельность Агасикла, требовавшую больших государственных расходов и продолжительного времени, к первой половине III в. до н.э.⁷⁴ Правда, в другом месте он датирует декрет ранее клятвы, т.е. соответственно в конце первой четверти названного столетия⁷⁵. К концу первой трети III в. до н.э. относится первая реконструкция крепостных стен Калос Лимена⁷⁶. По мнению С.Ю. Сапрыкина, Агасикл мог занимать магистратуру «стратега хоры» (*στρατηγὸς ἐπὶ τῆς χόρας*), встречающуюся в других греческих городах Малой Азии в эллинистический период, или председателя коллегии стратегов, власть которого была продлена для выполнения в кратчайшие сроки усиления обороны полиса и его хоры⁷⁷. К 270-м годам до н.э. относит рассматриваемый декрет В.П. Яйленко. Такие мероприятия, как возведение оборонительной линии в виде отдельных укреплений, обустройство сторожевых гарнизонов, изгнание бунтующих элементов, были вызваны разорением хоры и, как результат, – дестабилизацией социально-политической ситуации в полисе⁷⁸.

Поскольку основные опорные пункты отдаленной херсонесской хоры оставались в руках демократов, то, следовательно, олигархи закрепились в достаточно мощном укреплении, коль первые не обладали достаточными силами для его захвата. При этом оплот оппозиционеров располагался в очень важной географической точке побережья, создавая постоянную угрозу транспортным коммуникациям, а следовательно, и снабжению столицы хлебом. Таковым местом могла быть западная оконечность Тарханкутского полуострова, где расположено третье по размерам Караджинское городище площадью около 1.4 га с удобной гаванью⁷⁹. К сожалению, оно практически не изучено, что не позволяет подтвердить или опровергнуть наше предположение. «Враги народа» могли закрепиться и в одном из самых удаленных

⁷¹ *Saprykin. Ancient Farms...* P. 75–76; *idem. Heracleia Pontica...* P. 186, 207.

⁷² *Idem. Heracleia Pontica...* P. 186.

⁷³ *Ibid.* P. 73, 76.

⁷⁴ *Saprykin. Ancient Farms...* P. 76.

⁷⁵ *Ibid.* P. 184, 192. Определенные коррективы в хронологию надписей необходимо вносить с учетом уточнения датировок херсонесских керамических клейм, так как использованные в системе доказательств штампы перенесены теперь с 270–260-х годов на 285–272 гг. до н.э. (см. *Кац. Керамические клейма...* С. 76).

⁷⁶ *Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Восточные ворота Калос Лимена // СЗКАЭ. 1994. С. 56.*

⁷⁷ *Saprykin. Ancient Farms...* P. 75; *idem. Heracleia Pontica...* P. 207.

⁷⁸ *Яйленко. Некоторые вопросы...* С. 181.

⁷⁹ См. *Шульц П.Н. Евпаторийский район: 1933–1934 // Археологические исследования в РСФСР: 1934–1936 гг. М.-Л., 1941. С. 270–271; он же. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. // НА КФ ИА НАНУ. P-1. № 78. Л. 28.*

пунктов округи, например, на неплохо защищенном поселении Маслины. Однако его стратегическое положение намного уступает первому из названных мест.

Настоящая в полном смысле катастрофа регионального масштаба охватила все степное Причерноморье и смежные территории в конце первой трети III в. до н.э., когда практически одновременно погибли или прекратили существование Великая Скифия, полисные хоры и сельские поселения на Европейской части Боспорского царства.

Благодаря керамической эпиграфике датировку этого события сейчас можно ограничить двумя-тремя годами. Так, наиболее поздние синопские клейма астинома Эсхина, сына Ифия, – 271 г. до н.э. – встречены на Елизаветовском и Южно-Донузлавском городищах, в Крымском Приазовье, в насыпи керамических печей за городскими стенами Херсонеса; клейма Гикесия, сына Гестиея, – 270 г. до н.э. – завидетельствованы на усадьбе № 25 на Гераклеийском полуострове, а Аристана, сына Аристиппа, – 269 г. до н.э. – в слое разрушения Никония⁸⁰. Время существования усадеб у Евпаторийского маяка В.И. Кац по данным херсонесских клейм определил как 325–270 гг. до н.э.⁸¹ Весьма обнадеживающим является то, что названные клейма относятся к хронологическим системам, разработанным для разных гончарных центров и построенным по разным принципам. Тем не менее, абсолютные датировки удивительным образом схожи. Правда, усадьбы Гераклеийского полуострова, Елизаветовское городище и Никоний, как считает В.И. Кац, были заброшены лет на двадцать позднее гибели поселений Панское I и Маяк⁸². Однако этот временной промежуток заполняется всего тремя клеймами херсонесских магистратов. А.А. Масленников относит гибель практически всех поселений Керченского полуострова к середине III в. до н.э.⁸³, хотя ранее он говорил о 270–260-х годах до н.э.⁸⁴ Но детальный анализ керамических клейм указывает на первую треть столетия⁸⁵, как, впрочем, и исследование поступления аттического чернолакового импорта⁸⁶.

Не стала исключением и хора Феодосии, занимающая пространство между восточными отрогами Крымских гор и оз. Сиваш, а ближайшие к городу поселения, расположенные на высотах, обносятся оборонительными сооружениями⁸⁷. В.П. Толстиков пишет о катастрофическом разрушении в первой четверти рассматриваемого столетия западного фланга укреплений акрополя Пантикапея, но это было, по его мнению, скорее всего, следствие сильного землетрясения⁸⁸. В это же время жи-

⁸⁰ Федосеев Н.Ф. Керамические клейма из раскопок поселения «Бакланья скала» // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998. Табл. 2; Кац. Керамические клейма... С. 63. Табл. 4; Голенцов А.С. Керамические клейма из раскопок Южно-Донузлавского городища // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999. С. 131.

⁸¹ Кац. Керамические клейма... С. 42.

⁸² Там же. С. 60.

⁸³ Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 50, 59, 61, 70, 86, 88, 196, 207, 268.

⁸⁴ Он же. Крымское Приазовье в античную эпоху // ПАК. С. 207.

⁸⁵ Федосеев. Керамические клейма... С. 255, 257.

⁸⁶ Масленников А.А. Исследование сельской округи европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. С. 127–128; Масленников А.А., Бужилова А.П. «Ифигения на Меотиде» (Материалы к обсуждению существования ритуальной декаптации в античном Приазовье) // Древности Боспора. Вып. 2. М., 1999. С. 174.

⁸⁷ Гаврилов О.В. Нові дані про сільську округу античної Феодосії // Археологія. 1998. № 1. С. 111–113; он же. Сільська округа Феодосії у V–II ст. до н.э.: Автореф. дис... канд. іст. наук. Київ, 1999. С. 6–7, 9; он же. Античне поселення Новопокрівка I у Південно-Східному Криму // Археологія. 1999. № 1. С. 77, 81, 83; он же. Амфорний импорт на античному поселенні Новопокрівка в Східному Криму // Stratum-plus. 1999. № 3. С. 81.

⁸⁸ Толстиков В.П. Акрополь Пантикапея (К проблеме локализации северной и западной границ) // VI чтения памяти В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 116; Толстиков В.П., Журавлев Д.В. Некоторые итоги исследования акрополя Пантикапея // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 25.

тели Никония покинули свой городок и переселились в соседнюю Тиру, а переждав самое опасное время, намеревались вернуться обратно на родное пепелище⁸⁹.

Единственной силой, способной осуществить такое крупномасштабное разрушение, были проживавшие за Танаисом кочевники, т.е. сарматы, упоминание о которых Ю.Г. Виноградов вычитал в давно известном херсонесском декрете, относимом им к 278–277 гг. до н.э. С чудодейственным избавлением жителей от варварского пленения могло быть связано подношение в делосский храм Аполлона трех серебряных фиал по 100 драхм каждая⁹⁰. Причем сарматы совершали свои набеги не с целью захвата территории, как в середине II в. до н.э., а именно ради грабежа и добычи продовольствия, для чего, вероятно, выбирался момент после уборки очередного урожая (июль–август). Пока не известно ни одного случая постоянного пребывания азиатских кочевников на разоренных землях и практически полное отсутствие сарматских погребений⁹¹.

Основная же причина такой агрессивности номадов определялась заметным потеплением климата и, как следствие, аридизацией степи, особенно ощутимой в континентальных регионах материка: вернее сказать, постепенное изменение разнообразных природных факторов достигло такой критической отметки, когда произошли качественные изменения в состоянии окружающей среды. Однако эти перемены, назревавшие на протяжении нескольких десятилетий, не стали неожиданностью для древнегреческих агрономов и земледельцев: их ответной и вполне адекватной реакцией был повсеместный переход от яровых к озимым посевам пшеницы (отсюда появление среди палеоботанических выборок из культурных отложений указанного периода более крупных зерновок), широкое распространение виноградарства. Тем не менее, сельскохозяйственные владения практически всех северопричерноморских государств были в течение нескольких наиболее экстремальных лет полностью разорены. Прекратили существование и расположенные в достаточно благоприятных географических условиях скифские поселения, например Елизаветовское городище в дельте Дона⁹², городища и селища Поднепровья и Лесостепи⁹³, скифские и кизил-кобинские поселения, находившиеся на второй гряде горного Крыма, например, на месте Неаполя Скифского и Булганакского городища⁹⁴. О том, что речь идет о достаточно кратковременном действии, говорят наблюдения над последовательностью астиномов на синопских клеймах, обнаруженных на различных отдален-

⁸⁹ Виноградов Ю.Г. Синойкизм Никония // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 54–55; *он же*. Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный // НЭ. 1999. XVI. С. 50–81. По мнению А.Н. Щеглова, разорение земледельческой территории греческих государств было результатом движения разбитых и теснимых сарматами скифов, хотя он и не исключал возможности участия в набегах сармат (Щеглов А.Н. О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 192; ср. Зубарь В.М. Боспорское царство и варвары в конце IV – первой половине III в. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. Тез. докл. конф. С. 107–111).

⁹⁰ Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. М., 1999. С. 121.

⁹¹ Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 124–146; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 106; Simonenko A.V. The Problem of the Sarmatian Penetration in the North Pontic Area According to Archaeological Data // *Mar Nero*. 1994. Т. 1. Р. 116–119.

⁹² Марченко К.К. Боспорские колонии на территории Елизаветовского городища на Дону // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж – Белгород, 1991. С. 54; *он же*. Боспорское поселение на Елизаветовском городище // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 184, 186.

⁹³ Медведев А.П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.

⁹⁴ Пуздровский А.Е. О скифо-херсонесских конфликтах в III–II вв. до н.э. // АПМНП. 1995. С. 142; Зайцев Ю.П. Мегарони Неаполя скифского // Археологія. 1995. № 1. С. 82, 87; *он же*. Неаполь Скифский во II в. до н.э. – III в. н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1995. С. 8–9; Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.) // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 4.

ных друг от друга памятниках Причерноморья: если верны наблюдения Н.Ф. Федосеева, то ближайшая хора Херсонеса была разорена на следующий год после гибели Елизаветовского городища (приблизительно ок. 270 г. до н.э.)⁹⁵. Однако природно-климатические перемены сами по себе не могли привести к катастрофическим последствиям, ибо степь не превратилась в полупустыню⁹⁶. Новые условия лишь требовали внесения определенных изменений в систему хозяйствования, что и сделали эллины; у скифов должны были произойти какие-то перемены, скорее всего ускорившие процесс седентаризации. Во всяком случае не природные катаклизмы послужили причиной гибели Скифии.

Губительный смерч войн пронесся в конце первой трети III в. до н.э. по всей херсонесской хоре. Следствием этого стало появление новой серии кладов⁹⁷. Причем его разрушительные волны постепенно затухают от крайних северных границ к расположенной на юге столице полиса. Ужасающая картина разгрома выявлена при раскопках сельских поселений Северо-Западного Крыма. Среди сгоревших усадеб на берегу современного оз. Панское обнаружены останки обитателей, не успевших их покинуть, в том числе и детей⁹⁸. Часть населения могла быть уведена в рабство, остальные бежали в Херсонес, на что косвенно указывает малое количество захоронений на некрополе Панское I конца IV – начала III в. до н.э.⁹⁹ Могила погибшего воина этого времени была открыта и на Южно-Донузлавском городище¹⁰⁰, насколько можно судить по уточненной датировке найденной в ней серебряной монеты¹⁰¹. Аналогичная ситуация отмечена на поселении Генеральское-Западное в Крымском Приазовье¹⁰².

Нападению подверглись не только слабо защищенные пункты, но и такие мощные крепости, как Калос Лимен. О приступе по всему периметру крепостных стен свидетельствуют следы пожаров, в огне гибнут пристроенные изнутри к куртинам жилые дома. Особенно пострадала восточная обращенная в сторону степи линия обороны, где была разрушена юго-восточная угловая башня. По мнению С.Ю. Сапрыкина, которое мы не разделяем, тогда же Прекрасная Гавань перешла под контроль скифов и стала именоваться¹⁰³. Ведь этому городку с большим трудом и скорее всего при поддержке Херсонеса удалось отразить натиск варваров¹⁰⁴. Ситуация драматизировалась тем, что укрывавшееся в Калос Лимене население окрестных земель наблюдало со стен и башен разорение собственных усадеб, гибель или пленение застигнутых врасплох родственников и сограждан. В поле прямой их видимости находились не только ближайшие, но и более отдаленные пункты – усадьбы у бухты

⁹⁵ Федосеев. Керамические клейма... С. 257. Табл. 2.

⁹⁶ Ср. Бруяко И.В. Рец.: С.В. Полин. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992 // РА. 1995. № 1. С. 236.

⁹⁷ Туровский. Монеты независимого Херсонеса... С. 26; Гилевич. Хронология и топография кладов... С. 358.

⁹⁸ Шеглов А.Н. Полис и хора. Симферополь, 1976. С. 136–137; Шеглов А.Н., Ханнестад Л., Столба В.Ф. Работы российско-датской Тарханкутской экспедиции в Крыму // АО 1994. М., 1995. С. 335–337; Гилевич А.М. О культе Сабазия в Херсонесе // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988. С. 73.

⁹⁹ Монахов С.Ю., Розов Е.Я. Амфоры некрополя Панское I // АМА. 1990. Вып. 8. С. 132.

¹⁰⁰ Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961–1962 гг. // КСОАМ. 1964. С. 151.

¹⁰¹ Анохин. Монетное дело Херсонеса... № 107–120; Столба. Новое посвящение... С. 66–69; Туровский. Монеты независимого Херсонеса... № 103–117.

¹⁰² Масленников А.А. Историко-географічне районування Східного Криму в античну епоху // Археологія. 1989. № 4. С. 42; он же. Скифы на Боспоре в III–I вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 61.

¹⁰³ Сапрыкин С.Ю. «Эмпорий Таврикон» и «Скифская Гавань» Калос Лимен в керамических клеймах Херсонеса Таврического // ВДИ. 1996. № 1. С. 130–132; Saprykin S.J. Emporium Tauricon and Scythian Harbour of Kalos Limen on Ceramic Stamps of Tauric Chersonesus // REA. 1996. № 3–4. P. 365–366.

¹⁰⁴ Кутайсов, Уженцев. Восточные ворота Калос Лимена. С. 55; они же. Калос Лимен (раскопки 1988–1995 гг.) // Археология Крыма. 1997. № 1. С. 49.

Ветреной, оз. Панское и у пос. Межводное¹⁰⁵. Частично была разрушена сильно укрепленная усадьба в балке Большой Каstell¹⁰⁶. Для нас пока непонятно, насколько описываемые события затронули поселения на южном берегу Тарханкута. По всей видимости, тогда прекратило существование Западно-Донузлавское городище; следы разрушения выявлены на городищах Кульчукском, Южно-Донузлавском, Тарпанчи¹⁰⁷, Беляус¹⁰⁸. Вблизи Керкинитиды гибнут в пожаре такая сильная крепость, как Чайка¹⁰⁹, и Маякские усадьбы¹¹⁰. Однако на поселении Песчанка, расположенном совсем недалеко от них, следы явных разрушений отсутствуют¹¹¹. Трагическая участь постигла находящиеся южнее Керкинитиды поселения Гаршино и Ново-Федоровка¹¹². Погибли и усадьбы на берегу Мойнакского озера в непосредственной близости от стен Керкинитиды¹¹³. Сами же обитатели упомянутых селений, вероятно, укрылись за стенами Керкинитиды. Хотя город и отбился от врагов, некоторые разрушения внутри него все же отмечены: сгорел дом № 14, расположенный между крепостными воротами и калиткой на восточной оборонительной трассе¹¹⁴. Причем самыми поздними были здесь херсонесские клейма 285–272 гг. до н.э. астиномов Атанадора, сына Никея, Невмения, сына Филистия, и Формиона, сына Аполлы¹¹⁵. Первое и третье из них найдены также на Маякских усадьбах, а последнее – в слое пожара на Калос Лимене¹¹⁶. Однако пожар в Керкинитиде удалось локализовать, поскольку смежное жилище квартала не было затронуто огнем, а на месте пострадавшей постройки сразу же возвели новое здание.

¹⁰⁵ О последнем см. *Высотская Т.Н.* Новая находка рельефа с изображением Геракла // АО 1967. М., 1968. С. 211–212; *она же.* Древнегреческое поселение в пос. Межводное // АО 1968. М., 1969. С. 295–296; *она же.* Давньогрецьке поселення хори Херсонеса // Археологія. 1975. № 15. С. 71–75.

¹⁰⁶ *Щеглов А.Н.* Большой Каstell и святилище II в. до н.э. в урочище Джангуль // ПАК. Симферополь, 1988. С. 273–278.

¹⁰⁷ См. *Голенцов А.С.* Западно-Донузлавское городище античного времени в Северо-Западном Крыму // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. конф. М., 1987. С. 77; *он же.* Исследование Кульчукского городища и его некрополя // ПИАСХ. 1988. С. 25–28; *он же.* Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 гг. // АИ 1993. Симферополь, 1994. С. 80–84; *он же.* Фортификация городища Кульчук // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995. С. 50–52; *он же.* Херсонесские клейма из раскопок поселения Кульчук // VI чтения памяти В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 41–42; *Дашевская О.Д., Голенцов А.С.* Западно-Донузлавское городище в Крыму // Евразийские древности. М., 1999. С. 167; *Столба В.Ф., Голенцов А.С.* Монеты из раскопок и случайных находок на Южно-Донузлавском городище (Северо-Западный Крым) // СΥΣΣΤ-ΠΑ СПб., 2000. С. 274–280.

¹⁰⁸ *Дашевская О.Д.* Работы в Черноморском районе Крыма // АИК 1993. Симферополь, 1994. С. 86–90; *она же.* Раскопки городища Беляус // АИК 1994. Симферополь, 1997. С. 82–84.

¹⁰⁹ *Карасев А.Н.* Раскопки на городище Чайка близ Евпатории // КСИА. 1963. 95. С. 41; *он же.* Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. // КСИА. 1965. 103. С. 133; *Яценко И.В.* Винодельня на поселении Чайка // КСИА. 1983. 174. С. 18; *она же.* Крепость и сельские усадьбы херсонесцев... 1983. С. 197–200; *Яценко И.В., Турина Т.Н.* Здание III в. до н.э. на городище Чайка в Евпатории (вариант реконструкции) // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 136; *Коваленко С.А.* О времени существования Чайкинских усадеб (По материалам керамической эпиграфики) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 132–133.

¹¹⁰ *Колесников А.Б.* Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка // ВМУ. История. 1984. № 4. С. 85; *он же.* Греческие сельскохозяйственные усадьбы... С. 13.

¹¹¹ *Коваленко С.А.* Античное сельскохозяйственное поселение возле села Песчаное // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 28–29.

¹¹² *Колесников.* Греческие сельскохозяйственные усадьбы... С. 13; *Ланцов С.Б.* Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // СЗКАЭ. 1994. С. 91–92.

¹¹³ *Колесников.* Греческие сельскохозяйственные усадьбы... С. 14–15.

¹¹⁴ *Кутайсов В.А.* Эллинистический дом Керкинитиды // СА. 1987. № 1. С. 169–170; *он же.* Античный город Керкинитиды VII–II вв. до н.э. С. 103, 106.

¹¹⁵ *Он же.* Эллинистический дом Керкинитиды. С. 169.

¹¹⁶ *Колесников А.Б.* Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. 1985. № 2; *Кутайсов, Уженцев.* Восточные ворота Калос Лимена. С. 55.

И наконец, тревожная обстановка заставила херсонеситов бросить свои сельскохозяйственные усадьбы на наделах вблизи своего города на Гераклейском полуострове¹¹⁷. Тогда же прекратил существование Керамик в районе Карантинной бухты. Появление кочевников под стенами Херсонеса, по крайней мере однажды, было столь неожиданно, что владелец мастерской, расположенной за крепостными стенами, не успел извлечь из обжигательной печи уже готовую продукцию¹¹⁸. Такая датировка подтверждается и находками В.В. Борисовой в мастерской II двух монет Керквинитиды типа скиф–конь (инв. № 8916, 8919 в НЗХТ).

Отток населения со всей территории полиса приобрел, по всей видимости, массовый характер, что не могло не создать большие трудности экономического порядка и социальную напряженность в гражданском коллективе. Быть может, именно разорение хоры и вызвало необходимость продажи государством большого количества участков земли в 70–60-е годы III в. до н.э. в ближайшей округе Херсонеса¹¹⁹. По мнению С.Ю. Сапрыкина, упомянутый документ отражает процесс перераспределения земельной собственности от аристократии, которая составляла опору олигархии и тирании и в руках которой сконцентрировались обрабатываемые участки, в пользу сторонников демократии для усиления ее социальной базы¹²⁰. Правда, данное мероприятие не привело к моментальному восстановлению хоры, это произошло почти на треть столетия позже. В такой критической ситуации, в которой оказался Херсонес, нельзя исключить и еще более радикальные меры для снятия неизбежной социальной напряженности в общине: полное перераспределение всего земельного фонда государства, включая и священные участки. В тот критический момент стоял вопрос о выживании полиса.

Сразу же после того, как обстановка более или менее стабилизировалась, в рамках всего Херсонесского государства, вероятно, осуществлялись мероприятия по укреплению обороноспособности основных опорных пунктов. Дополнительными поясами усиливаются куртины на наиболее уязвимых – с севера и запада – участках обороны Керквинитиды, а само городище в центральной части перегораживается наиболее мощной крепостной стеной, толщиной 2,65–2,70 м, поделившей всю территорию примерно пополам. К сожалению, ни одной башни на этом участке открыто не было. Иными словами, был возведен дополнительный рубеж обороны, защищавший приморскую часть города¹²¹.

Ранее строительство поперечной крепостной стены мы относили к концу III в. до н.э., основанием чему послужило херсонесское клеймо астинома Ксенокла, сына Аполлы, найденное в верхней части забутовки, которое относится к 230–215 гг. до н.э.¹²² Однако теперь представляется, что эта ручка попала сюда во время выломки камня из куртины во второй половине II в. до н.э. Как уже отмечалось, перед возведением нового оборонительного рубежа была спланирована жилая застройка. Тогда же был засыпан подвал, открытый М.А. Наливкиной в 1952 г.¹²³ В нем найдены раз-

¹¹⁷ Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 78–79; Туровский Е.Я. Хронологія і будівельна історія усадиби наділу 26 на гераклеїському півострові // Археологія. 1992. № 3. С. 150; *он же*. О времени существования усадьбы надела 25 на Гераклейском полуострове // ХС. 1996. Вып. VII. С. 165–168; Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 146–149; Saprykin. Heracleia Pontica... P. 188–191.

¹¹⁸ Кац. Керамические клейма... С. 60.

¹¹⁹ Соломоник Э.И., Николаенко Г.М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н.э. (к IOSPE. I. 403) // ВДИ. 1990. № 2. С. 93; Solomonik E.I., Nikolaenko G.M. Parcelles de terre chersonesiennes au debut du III-e s. av. n.e. (IOSPE. I. 403) // Esclavage et dependance dans l'historiographie sovietique recente. P., 1995. P. 185–210; Виноградов, Щеглов. Образование... С. 263; Виноградов. Херсонесский декрет о «несении Диониса»... С. 111.

¹²⁰ Saprykin S.J. Héraclée du Pont et Chersonésos Taurique: institutions publiques et rapports fonciers // ДНА. 1991. № 17. 1. P. 113; *idem*. Ancient Farms... P. 76; *idem*. Heracleia Pontica... P. 192–208.

¹²¹ Кутайсов. Античный город Керквинида VII–II вв. до н.э. С. 52, 62.

¹²² Кац. Керамические клейма... С. 89.

¹²³ Наливкина М.А. Раскопки в Евпатории // КСИИМК. 1955. 58. С. 68–69.

давленные амфоры с клеймами: херсонесские со штампами астиномов Агасикла, Силадана, Теламона (300–285 гг. до н.э.), с прилагательным ΣΚΥΘΙΚΟΝ (300–272 гг. до н.э.), а также синопские – астиномов Дионисия, сына Аполлодора (281 г. до н.э.), Фэниппа, сына Пасихара (267 г. до н.э.). Отсюда же происходит монета Керкинитиды 300–290 гг. до н.э. самого распространенного типа – скиф–конь. Кроме того, между двумя прослойками отеса у внешнего панциря стены обнаружено херсонесское клеймо астинома Диоскуриада 300–285 гг. до н.э. Из свалки, образовавшейся за новой крепостной стеной, происходят синопские клейма астинома Дионисия с фабрикантами Пютесом и Никиасом (281 или 280 г. до н.э.), Деметрия, сына Героксена (273 г. до н.э.), и Дионисия, сына Деметрия (281 г. до н.э.), – вся хронология по Н.Ф. Федосееву. Следовательно, данное фортификационное сооружение появилось скорее всего в начале второй трети III в. до н.э. (260-е годы), что, однако, не мешает еще раз уточнить это будущими раскопками.

Утолщаются и стены Калос Лимена, а восточный, наиболее опасный отрезок обороны дополняется третьей башней¹²⁴. Достаточно капитально было перестроено городище Чайка: на месте разрушенной внутрикрепостной застройки возводятся комплексы усадеб, одна из которых имела внутри изолированную мощную башню размерами 9 × 9 м. Причем при строительстве этого комплекса до фундамента была разобрана стена первоначальной крепости. Иначе говоря, фортификационные сооружения IV в. до н.э. использовались лишь настолько, насколько они были включены в позднейшую планировку¹²⁵. Недавно М.И. Золотарев и Е.Я. Туровский отнесли ее строительство ко второй четверти III в. до н.э.¹²⁶, а И.А. Антонова – к середине столетия¹²⁷.

Разорение сельскохозяйственных угодий привело к общему экономическому кризису херсонесского полиса, проявившемуся прежде всего в денежном обращении. Это нашло отражение в прекращении чеканки серебряной монеты на рубеже первой – второй четвертей III в. до н.э.¹²⁸, резком спаде производства керамической тары, а следовательно, сокращении изготовления вина¹²⁹. Херсонес так и не смог возродить свою хору в прежних размерах, ибо большинство из разгромленных периферийных поселений так никогда и не было восстановлено.

Справедливо будет назвать 270–230-е годы до н.э. «темными» десятилетиями в истории Керкинитиды, как, впрочем, и всего Северо-Западного Крыма (по С.Ю. Сапрыкину – это 280–230-е годы до н.э.)¹³⁰. При раскопках этого города не было найдено ни одной херсонесской монеты, относящейся по уточненной датировке к этому историческому отрезку. Лишь несколько их экземпляров было в свое время приобретено в Евпатории Н.Ф. Романченко и А.Л. Бертъе-Делагардом¹³¹. Рассматриваемый интервал характеризуется резким спадом поступления клейменной тары из Синоп и Херсонеса, прекращением ввоза амфор Фасоса и Гераклеи. Все это отражает глубокий упадок, в котором находилась экономика государства. Добавим, что до сих пор в некрополе Керкинитиды не обнаружено ни одного погребения, четко от-

¹²⁴ Кутайсов, Уженцев. Археологические исследования Калос Лимена... С. 174; они же. Восточные ворота Калос Лимена. С. 44–70; они же. Калос Лимен... С. 49.

¹²⁵ Яценко, Турина. Здание III в. до н.э... С. 136; Попова Е.А., Коваленко С.А. Работы Крымской экспедиции МГУ // АИК 1993. Симферополь, 1994. С. 220–224; Попова Е.А. О работах на городище Чайка // АИК 1994. Симферополь, 1997. С. 223.

¹²⁶ Золотарев, Туровский. К истории античных сельских усадеб... С. 83.

¹²⁷ Антонова. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса... С. 120–121; она же. Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсона // ХС. 1997. Вып. VIII. С. 10.

¹²⁸ Столба. Новое посвящение... С. 66–69; Туровский. Монеты независимого Херсонеса... № 119–122.

¹²⁹ Монахов. Амфоры Херсонеса Таврического... С. 94.

¹³⁰ Сапрыкин. Heracleia Pontica... Р. 50, 192.

¹³¹ Анохин. Монетное дело Херсонеса... № 146, 156–157.

носящегося к III в. до н.э.¹³² Правда, вполне допустимо, что пока еще просто не открыт участок могильника с захоронениями указанного времени.

Несмотря на отмеченные выше явления, ясно, что на протяжении второй и третьей четвертей III в. до н.э. Керкинитида была заселена, продолжали использоваться все построенные ранее жилые дома и оборонительные сооружения. Однако город, как и все Херсонесское государство, находился в стагнации. В такой ситуации, возможно, происходила натурализация хозяйства, направленная на удовлетворение лишь самых элементарных запросов.

Начало оживления экономики приходится на середину 30-х годов III в. до н.э., когда поднимаются из руин заброшенные поселения вдали от столицы, например Ново-Федоровка¹³³, восстанавливаются усадьбы на Гераклеяском полуострове¹³⁴ и, вероятно, прибрежные усадьбы Мойнакского комплекса (во всяком случае из раскопок происходят фрагменты мегарских чаш). Продолжали существовать населенные пункты, не затронутые или восстановленные сразу после нашествия кочевников в начале века. Тем не менее, если только судить по количеству населенных пунктов, освоенная хора значительно уступала по масштабам периоду ее первоначального расцвета.

Одновременно или в близкой последовательности, но не позднее рубежа III–II вв. до н.э., была проведена капитальная реконструкция фортификационных сооружений главного опорного пункта побережья Каркинитского залива – Калос Лимена, где в юго-западном углу первоначальной крепости возвели цитадель, фланкируемую мощными башнями размерами 10,25 × 9,80 и 10,25 × 7,5 м, соединенными куртинами, с толщиной стен 2,85 – 3,0 м¹³⁵. Эти крупномасштабные работы выполнялись в рамках единой государственной программы, направленной на усиление эффективности обороны. Причиной вполне могли послужить как печальный опыт предыдущей эпохи, так и активное освоение скифами в последней четверти III в. до н.э. второй и третьей гряды Крымских гор и возведение тут значительных укреплений, таких, как, например, Неаполь, Кермен Кыр, Булганакское городище¹³⁶.

Спустя какое-то время многие башни усадеб на Гераклеяском полуострове и в Северо-Западном Крыму обносятся дополнительными противотаранными пирамидальными поясами. Причем изначально конструктивная возможность дополнительного усиления этих ключевых оборонительных узлов не предусматривалась: например, в юго-восточной башне цитадели Калос Лимена пирамидальный пояс примерно на треть закрыл вылазную калитку, сделав ее практически малопригодной для ис-

¹³² Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Некрополь античной Керкинитиды. Киев, 1989. С. 33; Кутайсов В.А., Приднєв С.В. Охранные раскопки некрополя Керкинитиды // АИК 1994. Симферополь, 1997. С. 163–169.

¹³³ Ланцов. Античное поселение Ново-Федоровка... С. 92.

¹³⁴ Золотарев, Туровский. К истории античных сельских усадеб... С. 81, 84; Туровский. Хронология буд вельна... С. 150; Кузицин В.И., Иванчик А.И. Усадьба «Басилидов» в окрестностях Херсонеса // ВДИ. 1998. № 1. С. 209.

¹³⁵ Кутайсов, Уженцев. Археологические исследования Калос Лимена. С. 174–176; они же. Восточные ворота Калос Лимена. С. 49–51; они же. Эллинистическая цитадель Калос Лимена // ХАМ. Севастополь, 1997. С. 77–81; Кутайсов В.А., Анохин В.В., Приднєв С.В., Уженцев В.Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимена // АИК 1994. Симферополь, 1997. С. 171.

¹³⁶ Колтухов С.Г., Махнева О.А. Новый участок оборонительной стены Неаполя Скифского // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 148; Колтухов С.Г. Система обороны Крымской Скифии в IV–II вв. до н.э. // ВДИ. 1991. № 4. С. 93, 96, 99, 103; он же. Пизньюсфськї поселення східної частини Передгірського Криму (матеріали до археологічної карти Кримської Скіфії) // Археологія. 1991. № 4. С. 88; он же. Укрепления Крымской Скифии (III в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1992. С. 8; он же. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999. С. 20–21; Пуздровський О.Є. Охоронні роботи на скіфському городищі Кермен-Кир // Археологія. 1989. № 2. С. 137; Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.) // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 22; Храпунов И.Н., Мульд С.А. Оборонительные сооружения акрополя Булганакского городища // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 11.

пользования по прямому назначению. В литературе по-разному решается вопрос о том, когда появились защитные пояса: в середине III в. до н.э.¹³⁷, в третьей четверти¹³⁸, в начале последней трети того же столетия¹³⁹, в конце III – начале II в. до н.э.¹⁴⁰, в первой или во второй половине II в. до н.э.¹⁴¹ Обратим вслед за И.Т. Кругликовой¹⁴² внимание на тот весьма примечательный факт, что аналогичные приспособления отсутствуют на херсонесских памятниках, прекративших существование в первой четверти II в. до н.э. и, наоборот, присутствуют на тех, которые просуществовали до середины названного столетия – Беляус, Кульчук, Калос Лимен, Гераклеийский полуостров¹⁴³. Единственным пока исключением из общего правила является поселение Маслины. Правда, можно допустить, исходя из современной хронологии синопских и херсонесских клейм, а также отсутствия здесь родосских штампов IV–V групп, что упомянутый пункт был уничтожен в начале II в. до н.э.¹⁴⁴ Если наше наблюдение верно, то строительство противотаранных поясов следует относить ко второй четверти II в. до н.э. Их появление – реакция на очередное разрушение поселений хоры, оказавшихся не готовыми к новой тактике осады укреплений. Таранный пролом в одной из стен усадьбы № 13 поселения Панское I относится к другому историческому периоду и привлекаться в качестве примера применения скифами осадной техники не должен¹⁴⁵.

Е.Я. Туровский датирует серию серебряных монет с изображениями головы Девы в башенной короне на аверсе – стоящей лани на реверсе, и головы безбородого Геракла – палицы временем около середины последней четверти III в. до н.э.¹⁴⁶. В.А. Анохин относил их к 120–110 гг. до н.э.¹⁴⁷, а А.М. Гилевич – к третьей – началу четвертой четверти II в. до н.э.¹⁴⁸. Действительно, выпуск в обращение серебра в момент глубокого кризиса полиса, вызванного полной потерей хоры, с точки зрения здравого смысла труднообъяснимо (разве что это помощь извне?). Все упомянутое серебро, как подчеркивает А.М. Гилевич, перечеканено из предыдущих серий¹⁴⁹. Если же принять датировку первого из названных авторов, то, следуя В.И. Павленкову¹⁵⁰, богиня в зубчатой короне может отражать тот размах фортификационных работ, который охватил как сам Херсонес, так и всю его возрождаемую хору, включая Керки-

¹³⁷ *Голенцов*. Фортификация городища Кульчук. С. 51.

¹³⁸ *Saprykin*. Heracleia Pontica... P. 206.

¹³⁹ *Туровский Е.Я.* О характере фортификации сельских усадеб Херсонеса на Гераклеийском полуострове в IV–II вв. до н.э. // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995. С. 54–55.

¹⁴⁰ *Шеглов*. Полис и хора. С. 63; *он же*. Северо-Западный Крым... С. 74–130; *Дашевская О.Д.* Античная башня на городище Беляус // КСИА. 1969. 116. С. 89; *Золотарев, Туровский*. К истории античных сельских усадеб... С. 84; *Saprykin*. Ancient Farms... P. 17, 19, 31, 43, 71.

¹⁴¹ *Кутайсов, Уженцев*. Эллинистическая цитадель Калос Лимена. С. 80; *Кругликова И.Т.* Башни на сельскохозяйственных усадьбах Гераклеийского п-ва // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 170–171, 173.

¹⁴² *Кругликова И.Т.* Земельные наделы херсонеситов на Гераклеийском полуострове // КСИА. 1981. 168. С. 15.

¹⁴³ *Дашевская*. Античная башня... С. 85–92; *Голенцов*. Охранные раскопки античного Кульчукского городища... С. 82; *Кругликова*. Башни... С. 168–175.

¹⁴⁴ *Латышева В.А.* Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // КСИА. 1978. 156. С. 60; *она же*. Керамические клейма из раскопок поселения «Маслины» в Северо-Западном Крыму // Проблемы античной истории и культуры. Т. II. Ереван, 1979. С. 335–339; *она же*. Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // ВХУ. 1985. № 268. С. 106.

¹⁴⁵ *Шеглов А.Н. и др.* Тарханкутская экспедиция // АО. 1977. М., 1978. С. 405–406; *Шеглов А.Н.* Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988. С. 35.

¹⁴⁶ *Туровский*. Монеты независимого Херсонеса... № 166–170.

¹⁴⁷ *Анохин*. Монетное дело Херсонеса... № 179–183; ср. *Столба*. Новое посвящение... С. 66–69; *Коваленко*. Рец.: *Е.Я. Туровский*. Монеты... С. 208.

¹⁴⁸ *Гилевич*. Хронология и топография кладов... С. 362.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ *Павленков*. Стеностроительство Керкинитиды.

нитиду и Калос Лимен. Действительно, восстановление хоры создало экономическую основу для выпуска в обращение после полувекового перерыва новой серии серебра. Причем количество типов и тарификация монет значительно уступают более ранним эмиссиям. По всей видимости, более скромный чекан и разнообразие херсонесского серебра в конце рассматриваемого столетия соответствуют меньшим размерам самой хоры – основы благополучия полиса.

Тем не менее, после почти полувекового более или менее стабильного существования начинается процесс увядания хоры. Уже в начале II в. до н.э., вероятно, где-то на рубеже первой – второй четвертой прекращается жизнь на целом ряде поселений, таких, как Чайка, Песчанка, Ново-Федоровка, Кизил-Яр, Маслины (?) и др.¹⁵¹ Относятся к данному периоду захват укрепленной усадьбы в балке Большой Кафель не позволяют находки родосских клейм V группы и мегарских чаш¹⁵². По С.Ю. Сапрыкину, гибель исследованной им и И.Т. Кругликовой усадьбы вблизи Херсонеса произошла в конце II в. до н.э.¹⁵³ Усадьбы ближайшей округи Херсонеса, как считает В.И. Кац, были покинуты в конце 90-х – начале 80-х годов до н.э., что в конечном счете и привело к прекращению производства керамической тары в городе¹⁵⁴. По мнению Е.Я. Туровского, жизнь на усадьбах Гераклеяского полуострова прекратилась не позднее 80-х годов II в. до н.э.¹⁵⁵ Правда, ранее он относил это событие ко второй половине указанного столетия¹⁵⁶. Не связана ли такая датировка гибели некоторых пунктов с прекращением клеймения амфор Херсонеса и Синопы?

К рубежу III–II вв. до н.э. М.И. Ростовцев и ряд других авторов относят новеллу об Амаге, в которой говорится о союзных отношениях Херсонеса с сарматами и, между прочим, о натиске последних на Херсонес¹⁵⁷. С Херсонесом связывают деятельность в начале II в. до н.э. некоего Никерата, сына Папия, призванного в качестве третейского судьи («когда увидел обуреваемый постоянными войнами город, разрешил распрю между ними и умиротворил город» – IOSPE. I². 34)¹⁵⁸. Высказывалось в этой связи и мнение о ликвидации в конце II в. до н.э. конфликта между Ольвией и Херсонесом¹⁵⁹. Как нам представляется, версия о деятельности этого ольвиополита в Херсонесе не может быть безоговорочно принята из-за плохой сохранности верхней части плиты. Ситуация, обрисованная в надписи, скорее всего соответствует

¹⁵¹ Яценко, Турина. Здание III в. до н.э... С. 82; Коваленко. Античное сельскохозяйственное поселение... С. 19; Ланцов С.Б. Античные поселения біля озера Кизил-Яр // Археологія. 1989. № 3. С. 83; он же. Античное поселение Ново-Федоровка... С. 91.

¹⁵² Боголюбова О.Ю. Керамический комплекс поселения Большой Кафель // ПИАСХ. 1988. С. 11–14; она же. Керамические клейма поселения Большой Кафель // ПАК. Симферополь, 1988. С. 235; Шеглов. Большой Кафель... С. 273–275.

¹⁵³ Saprykin. Ancient Farms... P. 20, 34, 44, 54, 95.

¹⁵⁴ Кац. Керамические клейма... С. 72–75.

¹⁵⁵ Туровский Е.Я. Монеты из раскопок эллинистических усадеб Херсонеса на Гераклеяском полуострове // ХС. 1998. Вып. IX. С. 226.

¹⁵⁶ Он же. Хронологія і будівельна... С. 150; Золотарев, Туровский. К истории античных сельских усадеб... С. 81.

¹⁵⁷ Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. Т. XXXII. С. 60–63; Граков Б.Н. Термин $\Sigma\lambda\upsilon\theta\omicron\iota$ и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. XVI. С. 84–85; он же. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. 36. С. 27; противоположное мнение – см. Полин. От Скифии к Сарматии... С. 90–91. Мы придерживаемся традиционной датировки договора Херсонеса и Фарнака I Понтийского, а не предложенной С. Берштейном (155 г. до н.э.) и отвергнутой С.Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин С.Ю. Рец.: В. McGing. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986 // ВДИ. 1990. № 2. С. 207), Ю.Г. Виноградовым и М.И. Золотаревым (Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // СΥΣΣΤΓΙΑ. СПб., 2000. С. 285. Прим. 2), но принимаю С.Ф. Столбой (см. Тохтасьев С.Р. Рец.: В.И. Кац. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994 // Нурбореус. 1997. V. 3. Fasc. 2. С. 383. Прим. 1).

¹⁵⁸ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 185–186; Зубарь В.М. Ольвия и Скилур // РА. 1996. № 4. С. 48.

¹⁵⁹ Яйленко В.П. Материалы к «К корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 171–172.

положению в самой Ольвии и очень близка той, которая описана в декрете в честь Протогена. И наконец, вызывает удивление, что заслуги перед другим полисом, если он выполнял там роль миротворца, помещены в начале надписи, ранее перечисления заслуг перед собственным отечеством. Эти деяния уместнее было бы отразить в декрете самого Херсонеса (?). Иное дело, если бы речь шла о I в. до н.э. – I в. н.э., что было бы созвучно с надписью IOSPE. I². 355.

Косвенным отражением трагических событий, которые пришлось пережить Херсонесу в начале II в. до н.э., является известный союзный договор 179 г. до н.э. с Фарнаком I. В нем, в частности, понтийский царь обязуется оказывать помощь в случае, «если соседние варвары выступят в поход на Херсонес или подвластную херсонеситам страну или будут обижать херсонеситов» (IOSPE. I². 402)¹⁶⁰. Столь неопределенное обозначение в документе угрожавших Херсонесу варваров позволяет усматривать в них не только скифов, о которых умалчивать у составителей текста не было никаких оснований, но и сарматов. Об угрозе же тавров поселениям Северо-Западного Крыма вряд ли приходится говорить. Именно подпись под мирным договором с Понтом от 179 г. до н.э. сарматского царя Гатала могла заставить редакторов договора Херсонеса и Фарнака I скромно не упоминать этническую принадлежность враждебных соседей. Из рассматриваемого документа можно извлечь еще одну очень важную для нас информацию: в момент подписания соглашения Херсонес владел еще подвластной ему хорой¹⁶¹. Покровительство Понта, по всей видимости, позволило Херсонесу сохранить свою территорию по крайней мере еще на четверть столетия (вернее сказать, продлить ее агонию). Как отмечено выше, сразу после заключения этого соглашения Херсонес провел очередную реконструкцию узловых элементов фортификационных сооружений – усилил башни противотаранными поясами. Включение Херсонеса в межгосударственный договор 179 г. до н.э. на время приостановило натиск скифов. Более того, они не стали заселять уже заброшенные эллинами поселения такие, как, например, Чайка, где скифская застройка появилась только во второй половине II в. до н.э., во всяком случае не ранее середины столетия¹⁶². В данный интервал времени на памятнике отложился слой эолового археологически стерильного песка¹⁶³.

Во второй половине II в. до н.э. Херсонес утратил все владения на западном побережье Крыма, включая и «малые» города – Керкинитиду и Калос Лимен. Их население покинуло обжитые места в связи с реальной опасностью прямого захвата укреплений скифами¹⁶⁴, а не благодаря применению ими осадных машин, обслуживаемых специалистами с Боспора. Тем более сомнительно предоставление варварам последними Спартокидами своего военного флота¹⁶⁵. Не следует забывать и о наличии такового у самого Херсонеса, в частности об активном использовании боевых кораблей Диофантом против Савмака (IOSPE. I². 352). Скорее можно говорить о предоставлении Скилуру военных судов Ольвией, которая находилась под его контролем.

Вся территория Северо-Западного Крыма была включена в состав Скифского царства Скилура и полностью заселена скифами, следы постоянного пребывания

¹⁶⁰ *Лепер Р.Х.* Херсонесские надписи // ИАК. 1912. 45. С. 25; см. также *Сапрыкин*. Гераклея Понтийская... С. 190–199; *Saprykin*. Heracleia Pontica... P. 245–255.

¹⁶¹ *Щеглов*. Северо-Западный Крым... С. 131; *Сапрыкин*. Гераклея Понтийская... С. 206; *Saprykin*. Heracleia Pontica... P. 265.

¹⁶² *Яценко И.В.* Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967) // КСИА. 1970. 124. С. 35; *она же*. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (По материалам раскопок 1974–1978 гг.) // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 1983. С. 64–65.

¹⁶³ *Внуков С.Ю.* Скифские слои городища Чайка (Опыт статистической обработки) // СА. 1984. № 2. С. 54 сл.

¹⁶⁴ *Кутайсов*. Античный город Керкинитида VII–II вв. до н.э. С. 159; *Кутайсов*, *Уженцев*. Калос Лимен... С. 54.

¹⁶⁵ *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 86.

которых отмечены практически на всех памятниках. К самому концу II в. до н.э. относится вторичное захоронение в склепе с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды – пока единственном скифском погребении той эпохи¹⁶⁶. Для нас, однако, не до конца решенным остается вопрос о том, когда точно произошла утрата хоры. Обычно это событие относят к середине II в. до н.э.¹⁶⁷ Переход всего побережья в руки скифов датировался нами ранее второй – началом третьей четверти II в. до н.э.¹⁶⁸ В процессе раскопок Керкинитиды у нас сложилось впечатление, что скифы владели ею очень непродолжительное время – в течение последней четверти II в. до н.э., непосредственно перед походами понтийских войск¹⁶⁹. Несколько позже переход города к скифам был отнесен нами к 140-м годам до н.э.¹⁷⁰ Основанием для этого послужило следующее: на территории городища была обнаружена афинская тетрадрахма 151/150 г. до н.э. На расположенном поблизости поселении Тереклы-Конрат найдены еще две тетрадрахмы: одна принадлежит афинской чеканке 140/139 г. до н.э., вторая – фасосская начала второй половины II в. до н.э.¹⁷¹ Правда, по мнению издателей монет и С.Ю. Сапрыкина¹⁷², они попали сюда из Ольвии в результате торговых операций со скифами. Кроме того, в «херсонесской еще Керкинитиде» успел родиться Аполлодор, сын Аполлы, упоминаемый в аттической надписи 119/118 г. до н.э. в честь эфебов (конечно, при условии, если в ней подразумевается житель таврического города)¹⁷³.

В слое разрушения Калос Лимена обнаружены родосские клейма только IV хронологической группы (180–146 гг. до н.э.). В то же время в развалинах херсонесских построек Керкинитиды найдены клейма названного центра и V группы Книда (146–108 гг. до н.э.). Иными словами, Керкинитиды оставалась последним оплотом на отдаленной хоре Херсонеса и была оставлена ее обитателями и гарнизоном. Видимо, угроза захвата города стала настолько реальной, что полис провел полную эвакуацию населения. Ничто не указывает на взятие Керкинитиды, Калос Лимена и Стен в результате военного штурма при помощи осадной техники, как полагал Ю.Г. Виноградов¹⁷⁴. Другое дело – потенциальная возможность применения осадной техники. Нами не зафиксировано ни одного случая использования скифами каких-либо эллинистических построек. Однако, учитывая преемственность политики Фарнака I и Митридата VI, для нас остается неясным вопрос: почему понтийский царь Митридат V Эвергет (ок. 150–123/122 гг. до н.э.) не оказал военной поддержки Херсонесу перед лицом скифской агрессии. В истории Понтийского государства на протяжении второй половины II в. до н.э. был один короткий промежуток времени с 123/122 по 116/115 гг. до н.э., когда молодому Митридату Евпатору пришлось добиваться восстановления законных прав наследства¹⁷⁵. Быть может, внутренними неурядицами в Понте и воспользовался многоопытный Скилурус для окончательного захвата херсонесских владений?

¹⁶⁶ Михлин Б.Ю., Бирюков А.С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 1983. С. 26 сл.; Нефедова Е.С. Фибулы с некоторых памятников Западного Крыма // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 197.

¹⁶⁷ Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 131; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. М., 1991. С. 43; она же. Работы в Черноморском районе Крыма // АИК 1993. Симферополь, 1994. С. 88; Голенцов А.С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 гг. // АИК 1993. Симферополь, 1994. С. 82; Попова. О работах на городище Чайка. С. 226.

¹⁶⁸ Кутайсов, Уженцев. Калос Лимен... С. 54.

¹⁶⁹ Кутайсов. Античный город Керкинитиды VII–II вв. до н.э. С. 26–27, 122.

¹⁷⁰ Он же. Керкинитиды... С. 66.

¹⁷¹ Голенко К.В., Щеглов А.Н. Три позднеэллинистические драхмы из Северо-Западного Крыма // ВДИ. 1971. № 1. С. 41–42.

¹⁷² Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 205; Сапрыкин. Heracleia Pontica... Р. 262–263.

¹⁷³ Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. № 6.

¹⁷⁴ Виноградов. Вотивная надпись дочери царя Скилура... С. 86.

¹⁷⁵ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 125, 131.

Как только внутреннее положение в Понтийском царстве стабилизировалось, а в Крыму, наоборот, обострилось, Митридат VI направил в Херсонес своего посла, который заключил от имени царя новый договор о военной помощи (IOSPE. I². 349)¹⁷⁶. Утрата дальней хоры не могла не привести к миграции сельского населения города в столицу государства. Как известно, именно во II в. до н.э. в некрополе Херсонеса появляются столь характерные для могильника Керкинитиды (правда, более раннего времени) плитовые гробницы, концентрирующиеся на одном обособленном участке возле цитадели¹⁷⁷. С предыдущей волной переселения связано сооружение в эллинистической строительной технике в первой трети II в. до н.э. в окрестностях Херсонеса курганов, в том числе и кенотафов¹⁷⁸, являвшихся неотъемлемым и наиболее заметным элементом погребального обряда Калос Лимена¹⁷⁹. Сосредоточение в городе избыточного населения при недостатке продовольствия не могло не вызвать возрастания социальной напряженности.

Обычно полагают, что Северо-Западный Крым был заселен скифами, переправившимися из Приднепровья, о чем свидетельствуют близкое сходство памятников материальной культуры в обоих регионах и, как частный пример, наличие заметных фракийских элементов в лепной керамике¹⁸⁰. Раскопки последних двух десятилетий заставляют внести в эту устоявшуюся уже схему значительные коррективы. Прежде всего, нижнеднепровские городища со всеми признаками постоянной оседлости появляются тут только во II в. до н.э. (более точная дата не указывается) или не ранее второй половины столетия в результате переселения сюда, как полагают, обитателей Ольвии, испытывавшей сильное давление варваров. Тут присутствуют и представители других этнических групп, в первую очередь скифы¹⁸¹. Сравнение лепного керамического материала, по мнению Н.А. Гаврилюк и М.И. Абикуловой, свидетельствует о разных этнических основах культур Нижнего Поднепровья и Крыма. Оба локальных варианта позднескифской культуры формировались независимо друг от друга, а подобие их определялось не «переселением части скифов из Нижнего Поднепровья в Крым, а сильным влиянием античной культуры, обусловленной волной переселения греков на периферию»¹⁸². Нам, однако, представляется, что демографические возможности Ольвии, способной в условиях глубокого кризиса якобы освоить новые просторы Причерноморья, здесь несколько преувеличены. Несколько завышена также степень эллинизации варварского населения двух рассматриваемых регионов. Их материальная культура в целом остается варварской, особенно на начальном этапе существования. Достаточно сказать, что занявшие херсонесские поселения скифы (а у нас нет ни тени сомнения в том, что это были именно они) первоначально разместились в полуземлянках¹⁸³, а в сменивших их, например в Керкинитиде, наземных каменных постройках отсутствует элементарная

¹⁷⁶ Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. № 110; Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 211; Сапрыкин. Herculia Pontica... P. 269.

¹⁷⁷ Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 45, 49; Кутайсов, Ланцов. Некрополь античной Керкинитиды... С. 30–31.

¹⁷⁸ Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Курганы III–II вв. до н.э. в окрестностях Херсонеса Таврического // ХАМ. Севастополь, 1997. С. 106–108.

¹⁷⁹ Кутайсов В.А. и др. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимен // АИК 1994. Симферополь, 1997. С. 170–184.

¹⁸⁰ Шеглов. Северо-Западный Крым... С. 132; Дашевская. Поздние скифы в Крыму. С. 42.

¹⁸¹ Гаврилюк Н.О., Оленковський М.П. Пам'ятки скіфів. Херсон, 1992. С. 36–49; Гаврилюк Н.О., Кравченко С.М. Початок осідлості у степових скіфів (По матеріалам поселення Лиса Гора) // Археологія. 1995. № 3. С. 95; Гаврилюк Н.О. Еколого-економічний аспект історії степової Скіфії // Археологія. 1997. № 1. С. 42–44; Былкова В.П. О хронологии поселений Нижнего Поднепровья античной эпохи // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 191.

¹⁸² Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). Ч. 2. Киев, 1991. С. 30.

¹⁸³ Кутайсов. Античный город Керкинитида VI–II вв. до н.э. С. 111; Уженцев В.Б. Землянки из скифского горизонта Калос Лимена // СЗКАЭ. 1994. С. 238 сл.

перевязь углов и панцирей кладки между собой. Влияние античной цивилизации все отчетливее стало проступать в последующем столетии начиная со второй половины I в. до н.э., а наиболее ярко проявилось в I–II вв. н.э.

Ранее мы отмечали присутствие среди посевного материала у скифского населения, разместившегося в Керкинитиде, типично озимых засорителей, распространенных на нивах Поднепровья и лесостепи¹⁸⁴. Состав культурных злаков и сопутствующих им сорняков, по всей видимости, свидетельствует, что проживающие на северо-западном побережье полуострова варвары мигрировали сюда из названных районов. В связи со сказанным принципиальное значение имеет уточнение даты появления скифских городищ в Нижнем Поднепровье в пределах II в. до н.э. Если они возникают, как полагает В.П. Былкова¹⁸⁵, во второй половине II в. до н.э., одновременно с поселениями Западного Крыма, то исходный район переселения следует искать в каком-то третьем пункте. Если же их появление относится еще к началу – первой половине II в. до н.э.¹⁸⁶, то вполне допустимо перемещение части обитателей нижнеднепровских городищ в Таврику. Отрицать же сходство обеих культур в различных сферах деятельности вряд ли возможно. Последнее, естественно, допустимо при существовании единой централизованной власти над данными территориями. В пользу подконтрольности Поднепровья и Крыма скифскому царю Скилuru говорит факт чеканки его монет в Ольвии¹⁸⁷, которые разными исследователями относятся к 150–110 гг. до н.э.¹⁸⁸, 140/135–115/110 гг.¹⁸⁹ или 130–120 и 120–110 гг.¹⁹⁰

Как предположила совсем недавно Е.А. Попова, отдаленная хора Херсонеса была захвачена Боспором и заселена скифским земледельческим населением из европейской части этого царства – единственного очага прочной варварской оседлости на полуострове. Скилур и Палак, по ее мнению, были всего лишь наместниками Спартокидов в Северо-Западном и Центральном Крыму, а Малая Скифия не являлась самостоятельным государством в полном смысле слова, а была как бы провинцией Боспора¹⁹¹. Если первая посылка с известными оговорками имеет право на существование, то вторая полностью противоречит всем нарративным источникам, ибо именно Боспор испытывал сильное давление варваров, что и послужило причиной передачи власти Митридату Евпатору (Strabo. VII. 4. 4)¹⁹². И наконец, для обоснования первого тезиса необходимо доказать если не идентичность, то хотя бы близкое сходство материальной культуры местного населения западной и восточной части полуострова во второй половине II в. до н.э. Между прочим, названное столетие нельзя отнести к благополучным для сельских поселений Керченского полуострова, как это было, например, в IV – начале III в. до н.э.; сказанное относится и к I в. до н.э.¹⁹³

¹⁸⁴ Кутайсов В.А. Аграрная история Керкинитиды // ХС. 1999. Вып. X. С. 86.

¹⁸⁵ Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в IV–II вв. до н.э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 73; она же. О хронологии поселений... С. 191; она же. До проблеми зв'язків і змін культур населення Нижнього Подніпров'я в античну епоху // Археологія. 1998. № 3. С. 118.

¹⁸⁶ Гаврилюк, Абикулова. Позднескифские памятники... С. 30.

¹⁸⁷ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. 16. С. 157; Фролова Н.А. Монеты скифского царя Скилuru // СА. 1964. № 1. С. 44–55.

¹⁸⁸ Сальников А.Г. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии // ЗОАО. 1960. Т. I. С. 89.

¹⁸⁹ Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1988. С. 102.

¹⁹⁰ Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 52–53.

¹⁹¹ Попова Е.А. О северопричерноморском домостроительстве в I в. до н.э. – I в. н.э. // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 191–194; она же. Позднескифские городища Северо-Западного Крыма и проблема истоков позднескифской культуры // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999. С. 153–155.

¹⁹² Сапрыкин. Понтийское царство... С. 140 сл.

¹⁹³ Масленников. Эллинская хора... С. 26 сл.; Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A. Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 1995. V. 2. № 3. P. 261–282.

Херсонес ожесточенно сопротивлялся скифам. Следы нападения херсонесского отряда выявлены на поселении Тарпанчи¹⁹⁴. Однако устройство рва, по современным данным, вряд ли относится ко времени ранее I в. до н.э. Ведь широкомаштабные военные действия развернулись только после прибытия понтийских войск. Причем первоначально они велись достаточно пассивно против Скилура и его сыновей, если он вообще был жив к началу описываемых событий¹⁹⁵. Наиболее запоминающийся эпизод начального периода – оборона мыса у гавани Ктенунт, когда царские воины с трудом отбивались от варварского натиска (Strabo. VII. 4. 7). Только с прибытием Диофанта инициатива перешла к Митридату VI. Переправившись «на ту сторону», Диофант разбил внезапно напавшего Палака, затем уладил боспорские дела и вместе с гражданами «цветущего возраста» покорил Скифию (IOSPE. I². 352). В состав его войск, как нам известно, из текста одного надгробия, входил отряд армянских лучников, командир которого погиб в сражении¹⁹⁶.

Для нас пока загадка – были ли оставлены скифами поселения северо-западного побережья Таврики тогда же или это произошло во время второго похода Диофанта, когда поздней осенью (этого или следующего года?), «будучи задержан непогодами и поворотив в приморские местности, овладел Керкинитидою и Стенами и приступил к осаде жителей Прекрасного Порта» (IOSPE. I². 352)¹⁹⁷. Приведенный пассаж показывает разную степень организации обороны скифских поселений, появившихся над ранними херсонесскими. Обращает на себя внимание весьма нейтральный по своему значению глагол, который характеризует возвращение Керкинитиды и Стен (λαμβάνω) ἐλάβετο). Как показали раскопки, вопреки предположению С.Г. Колтухова¹⁹⁸, скифское поселение на месте Керкинитиды не было обнесено крепостными стенами, а более ранние херсонесские фортификационные сооружения были разобраны ими до основания. Скифская застройка, по крайней мере на восточной окраине городища, вышла за периметр греческих оборонительных стен¹⁹⁹. Вероятно, в таком же положении находились и другие варварские населенные пункты побережья. По всей видимости, слухов о приближении понтийских войск было достаточно, чтобы скифы срочно покинули насиженные места. Воины Диофанта занимали уже опустевшие места бывшей херсонесской хоры.

Совсем иначе обстояло дело с захватом Калос Лимена. Раскопки последних лет пролили дополнительный свет на этот вопрос. Скифы разместились здесь в относительно неплохо сохранившейся цитадели, расположенной в юго-западном углу городища (вероятно, эвакуация херсонесского гарнизона была произведена так быстро, что не были разрушены крепостные сооружения, которыми и воспользовались варвары). После некоторого ремонта и приспособления крепостные стены стали вполне надежной защитой. Вокруг цитадели на остальной территории были бессистемно разбросаны землянки и полуземлянки²⁰⁰. Складывается такое впечатление, что Калос Лимен играл исключительно важную роль среди всех скифских поселений Тарханкутского полуострова. Именно здесь в удобной гавани, на достаточно безопасном расстоянии от Херсонеса мог базироваться скифский флот (вернее, те несколько судов, из которых он состоял)²⁰¹. Вблизи Прекрасной Гавани, на берегу Каркинит-

¹⁹⁴ Шеглов. Северо-Западный Крым... С. 71.

¹⁹⁵ Gavrillov A. Das Diophantos Dekret und Strabon // Hyperboreus. 1996. V. 2. Fasc. 1. P. 168.

¹⁹⁶ Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 210–211; Saprykin. Heracleia Pontica... P. 268–269.

¹⁹⁷ Здесь и далее перевод В.В. Латышева.

¹⁹⁸ Колтухов. Система обороны... С. 101.

¹⁹⁹ Кутайсов. Античный город Керкинитида VII–II вв. до н.э. С. 122, 159.

²⁰⁰ Кутайсов, Уженцев. Археологические исследования Калос Лимена. С. 174–175; они же. Калос Лимен... С. 54–55; Кутайсов, Анохин, Приднєв, Уженцев. Охранные раскопки городища... С. 170. Рис. 94.

²⁰¹ Граков Б.Н. Термин Σκύθαι... С. 87; он же. Каменское городище на Днепре. С. 28.

ского залива проживали «пиратствующие сатархи»²⁰², которых победил находящийся на службе у скифских царей наварх Посидей, сын Посидея (IOSPE. I². 672)²⁰³. Для нас неважно, были ли сатархи разбиты в морском сражении или на берегу, в любом случае здесь был задействован флот.

Все вышесказанное подводит нас к пониманию тех событий, которые произошли под стенами Калос Лимена. Прежде всего в отличие от всех остальных пунктов Прекрасный Порт оказал упорное сопротивление Диофанту, что заставило его приступить к осаде в условиях зимы и дало Палаку необходимую передышку, позволившую не только собрать новые силы, но и привлечь союзников роксоланов-ревксиналов (IOSPE. I². 352; Strabo. VII. 3. 17), проживавших где-то в присивашских степях²⁰⁴. Полученной передышки было вполне достаточно, чтобы Палак мог перейти к активным наступательным действиям. Возле Калос Лимена произошла грандиозная даже по масштабам эллинистического времени битва. Благодаря разумной диспозиции, заключавшейся, вероятно, в ограничении маневренности конницы и использовании в полной мере преимущества греческой фаланги, варвары были разбиты наголову: «ибо из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули лишь немногие». Причем Диофант располагал шестью тысячами гоплитов, в то время как сарматов, не считая скифов, насчитывалось, по Страбону, 50 тысяч (Strabo. VII. 3. 17; IOSPE. I². 352).

Данное событие получило отражение и в почетном декрете в честь херсонесских граждан, к сожалению, сохранившемся неполностью. Надпись выполнена тем же резчиком и, видимо, в том же году, что и псефизма в честь Диофанта. В ней упоминается «место, прилегающее к Прекрасной Гавани». В.В. Латышев, а вслед за ним и некоторые другие авторы предполагают, что в рассматриваемом документе речь шла о взятии Калос Лимена (IOSPE. I². 353)²⁰⁵. Несколько иное и, с нашей точки зрения более правильное, понимание этого отрывочного текста предложил М.И. Ростовцев. По его мнению, херсонесский отряд принял участие в крупнейшей битве Диофанта со скифами и сарматами. Этноним последних – сначала Σα[υροῦ ἀτάς], затем Σα[ρμᾶτας] – он восстанавливает во второй строчке надписи²⁰⁶. Ю.Г. Виноградов действительно рассмотрел остатки двух последующих букв: Σαρμ[ᾶτας] – в названии сарматов²⁰⁷. Как известно, херсонесское подразделение и ранее в ходе военной кампании Диофанта решало самостоятельные тактические задачи, например, проводило какие-то боевые действия (осада или приступ?) против скифской крепости Напит²⁰⁸. Правда, С.Ю. Сапрыкин датирует данную надпись временем до походов понтийского полководца, когда Херсонес вел самостоятельную борьбу со скифами²⁰⁹.

Осажденный в цитадели Калос Лимена скифский гарнизон если и не наблюдал со стен происходившее сражение, то по крайней мере не мог не заметить его последствий, которые практически лишили его дальнейших перспектив обороны. К тому же херсонеситы, прекрасно осведомленные о техническом состоянии и конструктивных особенностях собственных фортификационных сооружений, установили у юго-вос-

²⁰² Щеглов. О населении Северо-Западного Крыма... С. 148–149, 155; он же. Северо-Западный Крым... С. 132; Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 56–57; Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 204; Saprykin. Heracleia Pontica... P. 261–262.

²⁰³ Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 41; Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. 3. С. 38–39.

²⁰⁴ Симоненко О.В. Роксоланы (пошук археологічних відповідей) // Археологія. 1991. № 4. С. 23.

²⁰⁵ Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. № 12.

²⁰⁶ Ростовцев М.И. Сириск, историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. Вып. 1. С. 160–161; он же. К истории Херсонеса в эпоху ранне-римской империи // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М., 1916. С. 6.

²⁰⁷ Виноградов. Херсонесский декрет о «несении Диониса»... С. 115.

²⁰⁸ Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. № 1.

²⁰⁹ Сапрыкин. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический... С. 210; Saprykin. Heracleia Pontica... P. 268.

точной башни форта осадную машину: следы от ударов тарана и сейчас видны у ее юго-восточного угла. По всей видимости, не дожидаясь печального исхода, защитники сдались на милость победителей, что произошло в конце предпоследней декады II в. до н.э., так как Диофантовы войны в последнее время относят к 113–111 гг. до н.э.²¹⁰

Любопытный эпиграфический документ, связанный с этими событиями, обнаружен в 1987 г. в стратегически важном месте побережья – на городище Кара-Тобе на стыке пересыпей Сакского и Сасык-Сивашского озер, контролирующего дорогу из Херсонеса к Керкинитиде и вглубь полуострова. Это фрагмент известняковой плиты (трофей?) с надписью о победе, одержанной одним из отрядов под предводительством Аристоника (Ἀριστόνικος?), известного позднее в качестве наварха Митридата в Третьей войне с Римом²¹¹. Он, вероятно, начинал военную карьеру под командованием Диофанта, сына Асклепидора. Д.С. Раевский, как известно, размещает на этом месте упоминаемый Страбоном (VII. 4. 7), Птолемеем (III. 6. 6) и Аммианом Марцеллином (XXII. 7. 10) город Евпаторий²¹². Он, как предполагает Е.А. Молев, был заселен эллинами из ближайших поселений Северо-Западного Крыма, которые продолжали жить здесь и после захвата этого района скифами²¹³. Надпись, как нам представляется, свидетельствует против предположения Д.С. Раевского и С.Ю. Внукова, ибо в декрете в честь Диофанта постанова трофея над побежденными скифами во главе с Палаком синтаксически не связана с основанием города, а разделена ремаркой о покорении окрестных тавров²¹⁴. Как видно по результатам раскопок последних лет, на городище в конце II в. до н.э. возвели одну мощную башню размерами 12,9 × 12,2 м²¹⁵. Даже если она и была не отдельно стоящим донжоном, так как к ней не примыкают другие стены, а лишь ключевым элементом оборонительной системы, само крошечное укрепление вряд ли можно считать основанным в честь Митридата Евпатора городом, каковым в декрете он назван (πολιν ἐπὶ τοῦ τόλου συνοικίξας). Сам трофей мог быть связан не с генеральным сражением, которое упоминается в псефизме, а только с локальной стычкой одного из подразделений понтийского экспедиционного корпуса Диофанта. Ведь на сохранившемся обломке упоминается командир только одного отряда морского десанта (судя по дальнейшей карьере Аристоника). Совсем рядом, на пересыпи Сакского озера, в ходе описанных походов было основано святилище, по всей видимости, Артемиды Сотеры²¹⁶.

К последней четверти II в. до н.э. В.Ф. Столба отнес монеты Херсонеса с изображением на лицевой стороне самой крупной из них головы Геракла и проры на оборотной, а мелкой соответственно – неатрибуированной головы – носа корабля с па-

²¹⁰ *Виноградов*. Вотивная надпись дочери царя Скилура...; *Молев Е.А.* Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 1976. С. 28–36; *он же*. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. С. 37–41; *Пальцева Л.А.* Херсонес Таврический в V–I вв. до н.э. Л., 1988. С. 33–35; *Сапрыкин*. Гераклея Понтийская... С. 213–219; *он же*. Понтийское царство... С. 133–139; *Saprykin*. Heracleia Pontica... P. 272–278; *Колтухов С.Г.* Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 210 и др.

²¹¹ *Виноградов Ю.Г., Внуков С.Ю.* Греческая надпись со скифского городища Кара-Тобе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989. Вып. 1. Тез. докл. конф. С. 28–29; *Сапрыкин*. Понтийское царство... С. 139; *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraums. Mainz, 1997. S. 483–500.

²¹² *Раевский Д.С.* О местонахождении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. № 3. С. 127–133. Это предположение сейчас отстаивает С.Ю. Внуков.

²¹³ *Молев*. Рец.: С.Ю. *Сапрыкин* Понтийское царство... С. 211.

²¹⁴ Иные локализации см. *Сапрыкин*. Гераклея Понтийская ... С. 215–217; *он же*. Понтийское царство... С. 136.

²¹⁵ *Внуков С.Ю.* Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // АИК 1993. Симферополь, 1994. С. 60–67; *он же*. Исследования городища и могильника Кара-Тобе // АИК 1994. Симферополь, 1997. С. 66–68; *он же*. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1999 г. // ПИФК. 2000. Вып. VIII. С. 207–208.

²¹⁶ *Ланцов С.Б.* Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1991. С. 7.

лицей под ним (по В.А. Анохину – № 131–132 и 170–171). По мнению В.Ф. Столбы, сюжеты их реверсов отражают какую-то важную морскую победу²¹⁷. Если предложенная им датировка монет верна, то они вполне могут быть связаны со скифскими войнами. Активное участие в этих событиях принимал херсонесский военный флот, задействованный в освобождении от скифов западного побережья Таврики и европейского Боспора (IOSPE. I². 352, 353). Нельзя сбрасывать со счетов и возможность наличия у скифов собственной военной эскадры.

По всей видимости, небольшие понтийские или херсонесские, а возможно, и смешанные гарнизоны были оставлены в наиболее важных пунктах западного побережья Крыма²¹⁸. В Калос Лимене он размещался опять-таки в цитадели²¹⁹, где обнаружены пять медных монет Понта и Пафлагонии, типология и хронология которых, разработанная Ф. Имхоф-Блумером, принята всеми нумизматами²²⁰. Из них одна принадлежит Амису и датируется 120–111 гг. до н.э. (по В.К. Голенко, монеты этого типа занесены вместе с более поздней медью²²¹); две – Диоскуриаде 105–100 гг. до н.э.²²², одна монета Пафлагонии (100–63 гг. до н.э.) происходит из раскопок 1959 г. и более точно, к сожалению, не атрибутирована²²³. Монета Диоскуриады была найдена на Беляусе, а монета Амиса (105–90 гг. до н.э.) на Южно-Донузлавском городище – стратегически важных точках, контролирующих дорогу по пересыпи Донузлавского озера²²⁴. Три монеты Амиса 111–105 гг. до н.э. обнаружены в нижнем слое Усть-Альминского городища²²⁵, а одна – в Неаполе Скифском²²⁶. Следует вспомнить и

²¹⁷ *Столба*. Новое посвящение... С. 69. Прим. 6.

²¹⁸ *Сапрыкин*. Понтийское царство... С. 147.

²¹⁹ *Кутайсов, Уженцев*. Калос Лимен... С. 55; *Уженцев В.Б.* О пребывании понтийского гарнизона в Калос Лимене (конец II – первой половине I в. до н.э. // Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Тез. докл. Київ, 1997. С. 195–196; *он же*. Позднескифская фортификация Калос Лимена (I в. до н.э. – II в.н.э.) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. Тез. докл. конф. С. 252; *он же*. Калос Лимен в I в. до н.э. – II в. н.э (общий обзор по материалам раскопок 1988–1998 гг.) // Труды ГИМ. 2001. Вып. 18. С. 252; *он же*. Калос Лимен в IV ст. до н.э. – II ст. н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Київ, 2002. С. 6.

²²⁰ *Imhoof-Blumer F.* Die Kupferprägung des mithradatischen Reiches und andere Münzen von Pontos und Paphlagoniens // Numismatische Zeitschrift. Wien, 1912. Bd 45. № 2. S. 169–175; *Голенко К.В.* Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н.э // ВДИ. 1964. № 4. С. 56; *Сапрыкин*. Понтийское царство... С. 137; *он же*. Монеты Понта из раскопок Херсонеса Таврического // ХС. 1999. Вып. VII. С. 69–85. Библиографию см. *Golenko K.* Pontus und Paphlagonien // Chiron. 1973. Bd 3. S. 467–499.

²²¹ *Голенко*. Состав денежного обращения Херсонеса... С. 55.

²²² *Кутайсов В.А., Уженцев В.Б.* Некоторые итоги изучения Калос Лимена // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 91; *они же*. О раскопках античного города Калос Лимен // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ, 1991. С. 36; *Уженцев*. О пребывании понтийского гарнизона в Калос Лимене... С. 194–196; *Saprykin*. Herakleia Pontica... P. 278.

²²³ *Bernhard M.-L.* Kalos Limen: Fouilles Polonaises en Crimée, URSS // Bulletin du Musée National de Varsovie. 1961. V. II. № 3. S. 9.

²²⁴ *Дашевская*. Поздние скифы в Крыму. С. 21. Табл. I; *она же*. Раскопки городища Беляус // АИК 1994. Симферополь, 1997. С. 82; *Столба В.Ф., Голенцов А.С.* Монетные находки из раскопок Южно-Донузлавского городища 1964–1965 гг. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 349–350.

²²⁵ *Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 13. Рис. 4. Поскольку Страбон (Strabo. VII. 4. 7) упоминает Палакий в числе одного из трех опорных пунктов скифов, а херсонесский декрет располагает в середине Скифии две других крепости – Хабей и Неаполь, то можно вполне уверенно рассматривать Палакий как одно из приморских укреплений. Таковым вполне могло быть Усть-Альминское городище – самое крупное во второй половине II в. до н.э. на западном побережье полуострова (*Шульц*. Отчет о работах Евпаторийского отряда... С. 13; *Высотская Т.Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 67–68; *она же*. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. № 1. С. 116).

²²⁶ *Зайцев Ю.П.* Исследование южного дворца Неаполя Скифского // АИК 1993. Симферополь, 1994. С. 115; *он же*. Хронология Неаполя Скифского // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995. С. 79; *он же*. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3. С. 38. Прим. 3.

монету города Кромны (Пафлагония) из раскопок Керкинитиды в 1952 г., которая датируется IV в. до н.э.²²⁷ Таким образом, во всех местах, упоминаемых в связи с походами Диофанта, встречаются понтийские монеты, что, по всей видимости, связано с непосредственным пребыванием Митридатовых войск и размещением царских гарнизонов²²⁸.

Сразу после успешных действий Диофанта под покровительство Митридата VI перешла Ольвия. Тогда же в городе был размещен отряд армянских лучников, участвовавших в боевых действиях в Крыму, где и погиб их командир²²⁹. После этого скифы потеряли контроль над важной точкой, связывавшей Нижнее Поднепровье и Крым.

CERCINITIS AND CHERSONESUS IN THE 4th–2nd C. BC

V. A. Kutaisov

The paper presents the history of the Western Crimea from the 4th c. B.C. on. At that time the polis of Chersonesus started an active agricultural development of the coastal territory, which brought to life settlements of various character. Among them one can discern small towns and big fortresses controlling the adjacent territories (i.e. local centres of small agricultural districts), open settlements and villages, estates with towers, clusters of estate complexes, etc. The process seems to have been started by annexing Ionian Cercinitis, an independent polis founded as early as the 6th c. B.C., to the Doric state. It is not clear so far in what way Cercinitis was incorporated into the structure of the polis of Chersonesus. Traces of fire, at least, are not to be seen on the monuments. The growth of Chersonesus' chora catalyzed economical development based on complex agriculture and trade providing for its needs, e.g. manufacturing ceramic ware. However, the flourishing of this polis on the rise of the 4th c. B.C. was upset by a revolt which caused civil war and resulted in a loss of a part of the chora.

Though home affairs were soon stabilized, in the 1st third of the 3rd c. B.C. the whole of the chora was devastated by nomads, evidently, the Sarmatians. As a result, beside Chersonesus, only Cercinitis, Kalos Limen and some other fortified settlements, whose population could hide behind their walls, continued to exist. Such was the state of the chora for about 40–50 years. The last third of the 3rd c. B.C. witnessed another series of efforts to develop the coastal territory, but its scale was much more modest than that of the first colonization. Many settlements were still lying in ruins.

About the mid-4th c. B.C. Chersonesus lost all its possessions on the Crimean western coast, including Cercinitis and Kalos Limen. As excavations have revealed, their population left the dwelling-places because of the direct threat of Scythian invasion. Approximately between 113–111 B.C. this territory was returned to Chersonesus by the troops of Mithradates Eupator, lead by Diophantos. Pontic garrisons were dislocated in strategic points (Kalos Limen, Kara-Tobe and, possibly, in Cercinitis) and left them not later than 63 BC (the year of Mithradates' death).

However, the economy of Chersonesus, undermined by long wars with the Scythians, and its weakening demographic potential, left no chances for recultivation of the remote chora on the north-western coast.

²²⁷ См. *Наливкина М.А.* Раскопки в Евпатории // КСИИМК. 1955. 58. С. 64; *она же.* Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма: Керкинитиды и Калос Лимен в V–II вв. до н.э. // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 191.

²²⁸ *Сапрыкин С.Ю.* Каппадокийская монета I в. до н.э. из херсонесской усадьбы // КСИА. 1976. 145. С. 84–85; *он же.* Рец.: *H. Weimert.* Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phanomen: die antike Landschaft Pontos // ВДИ. 1989. № 1. С. 233; ср. *Цецхладзе Г.Р.* Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1989. № 4. С. 95.

²²⁹ *Виноградов.* Политическая история Ольвийского полиса... С. 255–259; *Сапрыкин.* Понтийское царство... С. 137–138.